ISSN 2222-5552

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ | SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

16+

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2022 | октябрь | sibforum.sfu-kras.ru

интеллектуальный диалог

В СФУ традиционно проходит Фестиваль «Во имя укрепления мира и дружбы народов России». Но в этом году впервые команды были не национальными, а смешанными.

Фото Евгения ПУЗИНА

НАС МНОГО. МЫ РАЗНЫЕ

Официальное число народов, проживающих на территории Красноярского края, — более 150. Говорят, перепись 2021 года увеличит его ещё на десяток-полтора. Нынешний выпуск нашей газеты мы решили посвятить этому: этносам, их культуре, их наследию.

Рашит Рафиков
ЗНАЕМ «КАК» И МОЖЕМ НАУЧИТЬ 4

«Есть так называемые неписаные правила, которые надо соблюдать. И известные скандалы с карикатурами, на Западе, это ярко демонстрируют. У нас в России такое невозможно, люди понимают, что это неправильно, не по-соседски».

Марина Бутовская
НЕ ОСТАНЕШЬСЯ НЕЗАМЕЧЕННЫМ 6

«Африка научила меня толерантности. Если вы не обладаете толерантностью, то просто будете вести себя неадекватно. А как только такое происходит, вы подписываете себе, по сути дела, волчий билет в этом обществе».

Игорь Шеин
РЕЦЕПТЫ СИБИРСКОГО СТОЛА 22

«Когда я устраивал медвежий стол (мы готовили шесть или восемь блюд из медведя), французы прилетали сюда специально, чтобы поучаствовать в этом событии».

Текст _ Валентина ЕФАНОВА

Сегодня традиции не унаследуешь. **Им надо научать**

Какое место традиционная культура занимает в жизни обычного горожанина? Ведь мы не ходим по улицам в национальных костюмах. Почему так важно говорить о наследии и сохранять самобытность народов, образующих единую российскую нацию? Обсуждая темы наследия, взаимодействия народов друг с другом и риски, с этим связанные, мы говорим с доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) Ириной ОКТЯБРЬСКОЙ. На прошедшем в сентябре Сибирском историческом форуме она делала пленарный доклад о практиках и концептах сохранения культурного наследия в прошлом и настоящем.

— Ирина Вячеславовна, разве наше общество не унифицировано? Мы живём в похожих условиях, по общим стандартам. Может быть, лучше говорить, что мы — одно, а не то, что мы — разные?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить некоторые места из курса общей этнографии. Долгое время — фактически до 1960 годов — в мире существовало представление о том, что цивилизационный прогресс и универсализация действительно будут естественным путём развития человечества. Документы, которые принимались тогда на уровне ЮНЕСКО и ООН, в том числе в отношении народов постколониального мира, были ориентированы на их интеграцию. Речь шла о том, что все люди имеют право на достойную жизнь в стандартах современного модернизированного мира.

Но оказалось, что этого недостаточно. Показательным стал пример аборигенов Австралии. К началу XX в. значительная их часть была расселена в правительственных и миссионерских посёлках, но при этом ограничена в возможностях свободной жизнедеятельности и лишена гражданских прав. В 1960-1970-е гг. после предоставления свобод и прав на землю в среде коренных австралийцев начался исход за пределы обустроенных посёлков в отдалённые области — на земли предков, в так называемые места сновидений, которые считались сакральными. То есть люди просто отказались от благ цивилизации ради самоопределения на основе традиционных ценностей. И это не единственный пример.

К 1980 годам на глобальном уровне пришло понимание, что у человека и народа должно быть право выбора культурных моделей и форм существования. И в 1989 г. была принята знаменитая Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни. Международная организация труда от лица всего человечества признала равнозначность больших и малых сообществ и их культур для мирового целого.

Единство в многообразии — это видовой признак человечества. Но признание его как главного условия самосохранения и развития имело долгий и непростой характер. Мы разные и мы едины — сегодня этот принцип актуален на глобальном, национальном и всех других уровнях.

Освоение этого принципа в 1990 годы было связано со становлением стратегий и практик мультикультурализма. В большинстве стран его рассматривали как характеристику и инструмент управления сложными сообществами, которые возникли в ходе масштабных миграционных процессов. На практике использовались разные модели мультикультурализма. Например, была форма сегрегации, когда об-

Газета «СИБИРСКИЙ ФОРУМ. Интеллектуальный диалог», № 6 (99) от 20 октября 2022 г.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю 30 ноября 2009 г. Регистрационный номер ПИ № ТУ 24–00157
Адрес редакции, издателя: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, строение 9, каб. 4-21, т. (391) 206-53-35, e–mail: newspaper@sfu–kras.ru
Главный редактор: В.М. Ефанова // Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
При использовании материалов газеты ссылка на издание обязательна // Распространяется бесплатно.

// Отпечатано: ИП Воротников Д.А. // г. Красноярск, ул. Республики, 51 // Подписано в печать 17.10.2022 г. по графику — 17.00, фактически — 17.00 // Заказ № 2719 / Тираж 3000 экз. //

щины находятся рядом, но они разделены. Была и ассимиляционная модель, которая ориентировалась на вовлечение мигрантов в общее культурное пространство. Но все эти модели оказались малоэффективными. В результате в начале 2000-х годов заговорили о крахе мультикультурализма как системы управления и взаимодействия. На смену пришёл интеркультурализм.

О нём, как в своё время о мультикультурализме, одной из первых заявила Канада. Для этой страны, периодически переживающей рецидивы противостояния англоязычной и франкоязычной общин, проблема единства и различий на фоне растущей миграции была очень актуальна. В реалиях начала XXI века интеркультурализм являлся попыткой сохранения многообразия при утверждении единой системы ценностей. Потому что стало понятно, что жить в многолетнем сообществе и ориентироваться на разные системы ценностей — нельзя. Только общие ценности могут стать гарантией стабильности. Но достичь этого непросто, потому что требуются усилия с разных сторон. Кроме того, нужен большой опыт сосуществования, который формируется столетиями.

И здесь, конечно, можно и нужно сослаться на многовековой опыт многонародной России. И вспомнить, что ещё совсем недавно в нашей стране категория «интернациональное воспитание» имела общеупотребительный характер.

— А как оценивать суждения о колониальном прошлом и об имидже России «как тюрьме народов»?

— Безусловно, и в имперском, и в советском прошлом России было немало проблем. Но многонародность изначально определяла структуру нашего государства и характер внутренней политики. Ещё в XVIII в. эта многонародность расценивалась как показатель могущества страны.

А в 1822 г. был принят беспрецедентный с точки зрения мировых практик «Указ об управлении инородцев» (я не путаю здесь ничего с точки зрения грамматики: не инородцами, а именно инородцев) и ряд других документов. Они признавали право на сохранение собственных территорий и норм существования для многих народов страны, в том числе для народов Сибири. Указ в целом имел патерналистский характер; кроме прочего, избавлял малые народы от воинской повинности. И сохранял своё значение до начала XX века. При этом крепостное право в России было отменено в 1861 г. Адекватно оценить Указ 1822 г. можно, если вспомнить несколько других дат. Например, только в 1807 г. Великобритания запретила торговлю рабами. В 1865 г. была принята поправка к Конституции США, запрещающая рабство на всей территории страны.

Известно, что в России на протяжении XVIII-XIX вв. выстраивалась сложная система связей между народами в процессе освоения и модернизации огромной империи. В ходе её реструктуризации уже в рамках формировавшегося Советского Союза многие народы впервые в истории обрели собственную государственность. При этом существовала единая политическая идеология, которая нивелировала этнические национализмы. В результате в СССР закладывались основы гражданской нации — советского народа. И хотя это был противоречивый и незавершённый процесс, нельзя недооценивать этот опыт.

— А какова роль и место русского народа в этой истории и в этом процессе? Что определяет условия сохранения его традиций?

— В современной России русские составляют около **80 процентов:** от **4%** в Дагестане и до **95%** в отдельных центральных областях страны.

Русский язык является государственным. Русская православная церковь принадлежит к числу традиционных (наряду с исламом, буддизмом и иудаизмом). Ценности общерусской культуры являются общепризнанными. Они формировались в результате долгих консолидационных процессов. При этом российские русские — своеобразный народ. Его принято относить к народам открытого типа. Русские остаются «открытым» сообществом, готовым к переменам.

Сейчас в Российской Федерации речь идёт о становлении гражданской многонародной нации — о россиянах. Русские — часть этой нации, её основа. Но при этом многонародность и многокультурность по-прежнему являются важной характеристикой нации, условием и ресурсом развития. Возможность межнационального диалога на основе общей истории, общих ценностей определяет перспективы народонаселения страны.

— Сейчас много говорят о наследии. Объявлен Год культурного наследия народов России. Это потому, что наследие утрачено, а историю молодые знают всё хуже?

— Что касается условий сохранения наследия вообще и русских традиций в частности, то в современной России они имеют фундированное законодательное обеспечение, широкую сеть фольклорных центров, большую академическую поддержку и т.д. Но важно понимать, что сохранение культуры — это большой труд и ответственность, которую должен взять на себя тот человек, который заинтересован в её будущем. Это не значит, что в офис нужно ежедневно приходить в сарафанах, яловых сапогах и плисовых шароварах. Важно уважать свою культуру и знать её основы. А практика показывает, что уважение и знание своего народа рождают уважение к другим. При этом, конечно, надо признать, что в современном мире обретение знаний и культурных навыков — это сложный процесс. Он уже давно основан не на межпоколенном наследовании и погружении в культуру, а на научении. Поэтому сейчас принято говорить о неотрадиционализме.

Формы освоения традиций меняются. И в этот процесс научения на новой основе включены широкие слои населения, в том числе и молодёжь, и пенсионеры.

«Многие города Сибири сегодня переживают краеведческий бум. Среди школьников популярны конкурсы и проекты, посвящённые семейным реликвиям и ценностям.»

Существует огромное количество электронных образовательных ресурсов на темы устной истории. Это востребованные сайты. Интерес к собственной истории и культуре возникает на пересечении многих составляющих. И, конечно, этот интерес надо воспитывать.

— Кто должен отвечать за процесс погружения в историю, национальную культуру: государство, система образования, семья?

— В современном мире сохранение культурного (в том числе нематериального) наследия — это процесс, который реализуется на глобальном уровне как признание равноценности национальных традиций, на национальном — как консолидирующее начало и как ресурс развития, на этнолокальном — как воплощение памяти, укоренённости и проч. И, соответственно, участниками этого процесса (и партнёрами) являются государственные структуры, общественные организации, семья, школа и т.д. Сделать эффективным их взаимодействие — в этом, наверное, и состоит смысл государственной программы по сохранению наследия.

На уровне государства важны масштабные музейные, реставрационные, фестивальные проекты. Их много — и федеральных, и региональных. Но также важна работа со школами, местными музеями, локальными сообществами, которые сегодня выступают «хранителями» традиций. А в основе этой работы всегда лежит личная заинтересованность — личное участие в сохранении традиций.

На секции «Историко-культурное наследие народов Урала, Сибири и Дальнего Востока: концепции, стратегии, практики» Сибирского исторического форума Андрей ПРИТВОРОВ, главный редактор московского издательства «Феория», говорил о программе издания атласов как форме актуализации историко-культурного наследия. И представлял прототип Атласа Красноярского края (20 страниц, а должно быть около 600), концептуально отличный от того, что можно найти на официальном портале Красноярского края. Работа над таким атласом требует фундаментального труда, и будет ли он осуществлён — пока неизвестно.

Также на этой секции Л.И. МИССОНОВА, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири и Севера Института этнологии и этнографии РАН (г. Москва), ответственный секретарь серии «Народы и культуры», представляла тома серии, посвящённые культурному наследию Сибири и Дальнего Востока. Людмила Ивановна рассказала, что серия была начата ещё в конце 1980-х и планировалась на 5 лет, но Советский Союз рухнул, и история растянулась на 30 лет.

Сейчас в серии **38** томов. Интересно, что народам Сибири посвящено 4 тома. Это:

- «Народы Западной Сибири», а именно ханты, манси, селькупы, ненцы, энцы, нганасаны, кеты.
- «Тюркские народы Сибири». Сюда входят сибирские татары, чулымские тюрки, телеуты, шорцы, кумандинцы, алтайцы (в том числе челканцы, тубалары, теленгиты и хакасы).
- «Тюркские народы Восточной Сибири»: тувинцы, в том числе тувинцы-тоджинцы, тофалары, долганы.
- «Народы Северо-Востока Сибири». Том посвящён айнам, алеутам, ительменам, камчадалам, керекам, корякам, нивхам, чуванцам, чукчам, эскимосам, юкагирам.

Признайтесь, что о некоторых народностях вы даже не слышали.

Фото предоставлено управлением общественных связей губернатора Красноярского края

Текст _ Андрей МУЖЩИНСКИЙ

Рашит Рафиков: «Давайте говорить о том, что сближает народы...»

В Красноярском крае официально проживает 159 народов. Хотя очевидно, что эта цифра, появившаяся после переписи 2010 года, будет обновлена. Окончательные итоги прошлогодней переписи в национальном разрезе ещё не обнародованы, но есть все основания полагать, что количество этносов, живущих в нашем регионе, перешагнёт за 170.

Далеко не каждый субъект России может похвастать столь богатым составом населения. О том, как такая представительная национальная палитра сказывается на управлении краем, как людям удаётся жить мирно, беседуем с заместителем начальника управления общественных связей губернатора Красноярского края, кандидатом исторических наук Рашитом РАФИКОВЫМ.

— Рашит Гиззатович, несмотря на многоликий состав жителей, Красноярскому краю удаётся не попадать в новостные сводки из-за конфликтов на национальной почве. Специалисты даже говорят о некой аномальности территории: мол, народов много, а живут в мире и согласии. В чём подвох?

— Да нет никакого подвоха. Если внимательно посмотреть историю освоения Сибири, то и вопрос отпадёт сам собой. Давайте будем честны, все мы, за исключением коренных народов Севера, здесь приезжие.

Буквально бегло отмечу основные этапы заселения Красноярского края. Первыми были «государевы люди», которые пришли с отрядами землепроходцев, состоящими из казаков. Затем национальное представительство тогда ещё Енисейской губернии увеличилось за счёт крестьянской миграции (все мы в школе изучали аграрную реформу Столыпина), а также ссыльнопоселенцев: поляков, немцев, евреев, народов Балтии. Свою роль в большом людском перемещении сыграло и строительство знаменитой Транссибирской магистрали.

Буквально за четверть века население региона выросло в два раза — с 570 тыс. чел. до 1,2 млн. Именно в этот период были образованы многие национальные посёлки и деревни. Одних только татарских поселений было больше 50, почти 30 — чувашских, много удмуртских, марийских, мордовских и, конечно же, белорусских и украинских сёл. Украинцы в Сибири, как показала первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, после русских шли по численности на втором месте. Интересно, что в перечень наиболее крупных национальностей тогда попали цыгане. Их у нас в регионе было более тысячи человек.

Следующий большой приток людей произошёл в годы Первой мировой войны за счёт беженцев и военнопленных. Потом большое движение мигрантов случилось в период Гражданской войны. XX век вообще был богат на переселения. И не всегда эти процессы проходили со знаком плюс. В годы Второй мировой войны в Сибирь депортировали целые народы, к примеру, финнов-ингерманландцев, немцев Поволжья, калмыков, литовцев, латышей и эстонцев. Кроме того, прибыли ещё сотни эшелонов с эвакуированными заводами вместе с рабочими и их семьями.

Когда война осталась позади, центральные регионы страны были восстановлены, часть переселенцев и беженцев вернулась на родину. Но в Сибирь хлынули новые потоки людей — в поисках хорошо оплачиваемой работы, а иногда и сибирской романтики. В советское время была широко распространена практика распределения выпускников среднеспециальных и высших учебных заведений. На всю страну гремели всесоюзные стройки, к примеру КАТЭК. В Шарыпово приезжали целые поезда на комсомольскую ударную стройку из Дагестана и Башкирии. Здесь работала знаменитая бригада отделочников, где было 30 человек 28 национальностей. Уникальный случай.

Как тут не вспомнить знаменитого красноярского грузина Дмитрия Миндиашвили, который приехал на строительство Красноярской ГЭС и нашёл на берегах Енисея свою вторую родину. Дмитрий Георгиевич неоднократно вспоминал и рассказывал свой диалог с отцом накануне поездки в далёкую пугающую всех южан Сибирь. «Сынок, ты носи шапку так, как носят её там, в тех местах», — напутствовал Георгий Иасеевич. Казалось бы простая фраза, но в неё заложена большая мудрость. Эту идею адаптации и интеграции в местное сообщество великий тренер передавал и своим ученикам.

Список таких знаменитых красноярцев можно продолжать. Академик Леонид Киренский был выходцем из Якутии. И когда в край приезжает делегация из соседней республики, они всегда возлагают цветы к его памятнику. Гуляя по центру города, мы любуемся архитектурными творениями Владимира Соколовского, поляка по происхождению. А наш сибирский финн живописец Тойво Ряннель? А один из организаторов краевого чувашского общества художник Владимир Мешков со своими всемирно известными линогравюрами? А архитектор Арэг Демирханов? Все они прославляли наш край и страну, делали это искренне и самоотверженно.

> *В Сибири некогда конфликтовать. Все приезжающие хорошо понимали (особенно в период освоения огромных просторов): чтобы выжить, нужно много работать и взаимодействовать друг с другом и с местным населением.*

Это особая сибирская ментальность, когда человека воспринимают не по национальности, не по религиозной принадлежности, а по его деловым качествам. Если порядочный человек — милости прошу. Нет? Тогда ты не наш, и тебе здесь делать нечего. Кстати, это ведь не мои слова. Так любит говорить ещё один наш знаменитый сибиряк Хазрет Совмен.

— Знаете, складывается ощущение, что этот миграционный процесс, который шёл весь XX век, не закончился и продолжается.

— Так и есть. Буквально несколько цифр. В постсоветский период происходили не менее серьёзные изменения на этнической карте Красноярского края. Если перепись 1989 года зафиксировала 124 национальности, проживающие в регионе, то в 2002-м — уже 137, в 2010-м — 159. Мы прогнозируем, что перепись 2021 года, когда будут подведены окончательные итоги, даст прирост на 10-12 этносов. И этому во многом способствует в том числе учебная миграция. В красноярских вузах появились выходцы из Латинской Америки, стран Карибского региона и других государств, представителей которых в нашем крае никогда не было. А сегодня к нам приезжают учиться студенты чуть ли не со всех стран мира.

По итогам переписи 2021 года мы видим, что Красноярск вошёл в десятку самых крупных городов России. За межпереписной период население города увеличилось на 214 тысяч — солидный прирост, на 22 процента. Это свидетельствует о том, что социально-экономические, общественно-политические, межнациональные и межконфессиональные отношения находятся у нас на достаточно высоком уровне. Отмечу, бюджет края за последние 12 лет увеличился чуть ли не в 3,5 раза. Люди считывают эти сигналы, что в Красноярском крае можно жить, развиваться.

— Вот вы говорите, что приезжают студенты из Латинской Америки, но ведь тренд задают другие страны. Основные потоки переселенцев откуда идут?

— Порядка 65-75 процентов всех приезжающих — это граждане трёх государств: Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана.

— К сожалению, в магазинах, дворах, автобусах иногда приходится быть очевидцем ситуаций, когда местные жители не всегда корректно общаются с приезжими. Опасны ли такие проявления?

— Безусловно, национальная ксенофобия в любом её проявлении недопустима. Многие проблемы и страхи в обществе возникают от незнания. В советское время система образования была выстроена таким образом, что с детства делалась «прививка» от ксенофобии. Не надо бояться человека с другим разрезом глаз или непривычным акцентом, надо понять, чем он живёт, чем интересуется. Самая тяжёлая категория — «пофигисты». Они не знают ничего и знать не хотят.

Мы разработали цикл занятий для дошкольников, учащихся образовательных учреждений и вузов, где через специальные уроки, снятые фильмы, разработанные игры рассказываем об истории края, традициях разных народов, изучаем их вклад в развитие красноярского региона, в общую победу в Великой Отечественной войне. Это хороший кейс культурно-просветительской направленности.

Важно также, что сами представители разных национальностей активно подвигают людей на диалог и взаимодействие. Так, в Ленинском районе Красноярска на ул. 26 Бакинских комиссаров члены Кыргызской национально-культурной автономии проводят праздники двора, дни плова, высаживают с соседями деревья, проводят субботники. Это хороший повод познакомиться с жителями микрорайона, наладить с ними дружеские контакты. Сотрудники национальных обществ оказывают соотечественникам юридическую и консультационную помощь, рассказывают о нюансах российского законодательства, региональных особенностях Красноярского края. В чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ходят.

Мы сознательно проводим летние национальные праздники на о. Татышев. Не на стадионе, вместимость которого ограничена, а на свежем воздухе, на зелёной траве. Взять, к примеру, тот же Сабантуй. В этот день любой житель города может познакомиться с татарской культурой. Попробовать национальную кухню, поучаствовать в спортивных состязаниях.

Знаете, чтобы активизировать межнациональный диалог, мы раньше перед организаторами праздников ставили условие, мол, на мероприятие должны прийти не только члены вашего национального общества, но и гости из других организаций. Сейчас таких условий ставить не надо, люди сами приходят. Так, в стенах СФУ родился турнир по национальным видам спорта, конкурс талантов и красоты «Азия — Сибирь». Ребята сами хотели узнать, чем живут их однокурсники, и дали старт хорошей традиции. Это вообще важно, чтобы были площадки, где представители разных культур могли бы взаимодействовать, узнавать традиции друг друга.

В этом плане не могу не сказать о Доме дружбы народов Красноярского края, которым мы гордимся. Здесь проводятся различные мастер-классы, проходят показы фильмов. И всё это для гостей и автономий абсолютно бесплатно. Приходите, общайтесь. Понятно, что не все приезжающие заинтересованы в сохранении своей культуры, языка или обычаев, но если такой запрос есть, то мы поможем. Предоставим помещение, окажем консультационную и методическую помощь, в том числе по подготовке интересных проектов на получение грантов.

— А какие задачи перед собой ставят органы власти в национальной политике?

— Я уже отмечал, что наш край имеет пёструю национальную картину. И нужно учитывать интересы разных групп населения. Условно мы их делим на четыре большие части.

Первая — это русское население. В ней, в частности, выделяются казаки, старожилы-ангарцы, старообрядцы. Это генофонд нации, они сохраняют многие традиции, которые, к сожалению, сегодня уже забыты.

Вторая группа — коренные малочисленные народы Севера. Их у нас восемь: долганы, ненцы, эвенки, нганасаны, селькупы, чулымцы, энцы и кеты. Частично к ним присоединяем енисейских якутов. Якуты не малочисленный народ, но на озере Ессей в северной Эвенкии они живут отдельной группой и, по сути, испытывают те же проблемы, что и остальные народы.

У нас принята программа по сохранению и развитию традиционного образа жизни. У северных народов основная проблема — физическое выживание. Законы хозяйственности, характерные для капиталистического строя, на российском Севере не работают. Тут необходима государственная политика патернализма, но поддержка только тех, кто занимается традиционными видами деятельности.

У северных этносов остро стоит проблема сохранения родного языка, образования, занятости. Из этих восьми национальностей четыре имеют автохтонное происхождение, то есть проживают исключительно на территории Красноярского края. Но они уникальны и ценны не только этим. К примеру, кетов изучают учёные со всего мира, так как они обладают редчайшей вещью — языком-изолятом. Только кеты говорят на этом языке. Также языки-изоляты — это корейский и японский. Но сколько представителей этих национальностей, а сколько кетов? Немногим более тысячи человек. А наших таймырских энцев и того меньше, всего 240 человек.

— В прошлом году сотрудники СФУ заявили, что разработали письменность для энцев. Как раз чтобы помочь в сохранении традиций.

— Совершенно верно. Некоторые говорят, что не всегда экономически целесообразно разрабатывать письменность. В России 277 языков и диалектов, из них около 20 остаются бесписьменными. Народные предания у них передаются из поколения в поколение в устной форме. Между тем создание письменности позволит не только сохранить родной язык, но и развивать его. Каждый язык ценен не только для этноса, но и для всей мировой культуры, и «экономить» на этом нельзя! И, конечно же, хочется поблагодарить учёных СФУ за их большую и столь нужную работу.

В том, что даже малые народы не растворяются в социуме, заслуга и самих коренных национальностей.

У меня однажды был удивительный диалог с ненцем. Рядом живут представители двух народов — ненцы и энцы. Я спросил собеседника, а могут ли быть браки между представителями двух разных общин. Он кивнул. «А дети кем записываются?» — интересуюсь я. «Энцами, конечно», — безапелляционно говорит ненец. «Почему?», — продолжаю я. «Нас много, а их мало». Понимаете, они отчётливо осознают ценность другой культуры, важность её сохранения.

Или вот интересный пример — долганы. Это уникальный народ, который зародился всего два-три века назад за счёт объединения трёх основных этнических составляющих: якутов, эвенков и русских старожилов — затундренных крестьян. Обычно в мировой практике мы наблюдаем процесс, как малые народности растворяются в больших, а тут большой участвовал в появлении малого, который затем получил статус малочисленного народа Севера. Уникальнейшая ситуация в мировом этногенезе.

А слышали ли вы про долганский традиционный балок — домик на полозьях, сверху мехом, внутри ситцем отделан? Его неотъемлемая часть — печь-буржуйка. Её когда-то давно завезли приезжие русские торговцы. Такое вот взаимообогащение культур. Северные народы взамен объясняли приезжающим, как правильно одеваться, охотиться, рыбачить. Без этого взаимодействия пришлого населения и местного выжить в сложных сибирских условиях было невозможно.

Вернусь к рассказу о четырёх группах, с которыми работаем. Третья категория — национальные меньшинства. Это те, кто давно приехали сюда, стали уже сибиряками. Для них актуальна проблема сохранения своей идентичности: традиций, языка, пищевой культуры, элементов одежды, связей с исторической родиной.

Четвёртая группа — мигранты. Те, кто приехал временно, имеет иностранное гражданство. Их проблема — необходимость адаптироваться к местным условиям, не нарушать местное законодательство, регулировать отношения с работодателем.

Мы, работая с мигрантами, учитываем не только этнические особенности, но и религиозные. У многих народов национальное и религиозное так переплетено, что разделить невозможно. К примеру, недавно наши евреи отметили новый год — Рош ха-Шана. Его считать национальным или религиозным праздником? У мусульман так же. Через Коран, Сунну и шариат мусульманские традиции пропитали все сферы жизни: как себя вести, как относиться к старшим, как воспитывать детей, одеваться, пищевые запреты. У русских тоже многое имеет не столько национальную, сколько религиозную подоплёку, не обязательно православную, иногда и дохристианскую. Взять ту же Масленицу со сжиганием чучела и блинами, день Ивана Купалы. Духовная сфера важна и для коренных народов, которые свою жизнь связывают с природой.

В общем, представляете, сколько нюансов надо учесть в национальной политике?

— А возможно ли всё прописать законодательно?

— Законодательство необходимо. И в Красноярском крае принят весь пакет документов стратегического характера, регулирующих сферу национальных отношений: стратегии, концепции, государственные программы и прочее.

С другой стороны, межнациональные и межконфессиональные отношения столь многогранны, многоаспектны и чувствительны, что прописать всё это в законах невозможно. Поэтому многие вопросы решаются в неправовом поле. Есть так называемые неписаные правила, которые надо соблюдать. И известные скандалы с карикатурами, случившиеся на Западе, это ярко демонстрируют. У нас в России такое невозможно, люди понимают, что если ты сделаешь что-то подобное, это будет неправильно, не по-соседски.

Иногда, чтобы предотвратить конфликт, достаточно ведь переговорить с руководителем религиозной общины или национального объединения. Яркий пример — ситуация с Нагорным Карабахом. На второй день конфликта лидеры азербайджанской и армянской автономий региона приняли совместное обращение.

— Такая саморегуляция?

— Совершенно верно. Что бы ни происходило во внешнем мире, здесь представители разных национальностей сидят за одним столом. Берегут хрупкий мир. Есть духовные лидеры, чьё мнение авторитетно, есть старейшины, которые занимают особое положение в обществе. Это ресурс, который используется. «Ручное управление» в национальной политике России никто не отменял.

— Востребован опыт Красноярского края в других регионах?

— Ещё как. Подобные нашему энциклопедическому «Этноатласу» или альманаху «Этно-Мир на Енисее» издаются в других территориях. Учебный кейс для школьников «Этноурок» взят на вооружение в Приморском крае и иных регионах. Коллеги удивляются, что проведение национальных мероприятий у нас «отдано на откуп» самим автономиям, что у нас есть такой чудесный Дом дружбы народов, где все услуги бесплатны. Всеми наработками делимся охотно. Берите полезное у нас, а мы возьмём у вас. Но пока не получается брать. Только отдаём.

— Как бы вы в нескольких словах описали суть национальной политики?

— По большому счёту ставка делается на два важных акцента. Первый — просветительский. Чем больше знаешь о другом человеке, народе, тем меньше предпосылок для непонимания.

Второй, основной тезис, который идёт лейтмотивом через всё, что мы делаем: «Давайте говорить о том, что сближает народы, а не разъединяет их»!

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО

С масаями Эндулена

Все мы вышли из Африки

Ещё будучи студенткой, и позже, защищая кандидатскую, она изучала социальное поведение обезьян. Пришлось даже «пожить» в стаде (проводить время непосредственно в обществе тонкинских макаков), чтобы животные к ней привыкли.

Также много лет её считают «своей», например, представители традиционных племён Танзании: скотоводы — масаи, датоги, охотники-собиратели — хадза. В Африке всемирно известный антрополог, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН **Марина БУТОВСКАЯ** в среднем проводит три месяца в году. Нынешней осенью основатель научной школы этологии человека впервые посетила Красноярск и приняла участие в работе IX Международного Сибирского исторического форума, выступала с несколькими докладами. Один из них был посвящён эволюционным основам поведения человека в традиционных африканских обществах.

— Марина Львовна, правда ли, что все мы родом из Африки?

— На сегодняшний день именно в палеоантропологии сделано много революционных открытий, завязанных прежде всего на технологии палео-ДНК и молекулярных характеристиках ДНК-ископаемых форм. И здесь мы можем сказать: «Да, мы все вышли из Африки», и никто сейчас этот тезис не оспаривает.

Но благодаря работам в области палео-ДНК, в том числе на материалах, собранных на территории России (Алтай, Кавказ), стало возможным установить, что человек современного вида, выйдя из Африки, метисировался на некоторых территориях Евразии с другими видами, такими как неандертальцы, денисовский человек и, скорее всего, ещё с какими-то видами, которые мы пока не открыли. Кстати говоря, недавно Нобелевский комитет объявил о том, что премия в области физиологии и медицины за 2022 г. присуждена шведскому генетику Сванте Паабо за серию работ по палеогенетике, в частности, и за открытие нового вида — денисовского человека с территории Алтая.

— Ради науки вам пришлось однажды рискнуть и буквально жить в стаде обезьян. Это опасно?

— Нет, если правильно себя вести, понимать особенности поведения этих животных и адекватно реагировать на сигналы. Я не пострадала ни разу. Инструкции, которые касаются, например, чужих собак, отчасти имеют смысл и в отношении обезьян. Например, смотреть пристально в глаза — это, конечно же, вызов и, скорее всего, они бросятся на вас. Но, с другой стороны, если вы хорошо знакомы с этими обезьянами, они вас принимают и хорошо отличают, то в некоторых случаях можно и нужно смотреть им в глаза, потому что они общаются, когда происходит зрительный контакт. У меня были такие особи, с которыми удалось подружиться, в том числе и высокостатусные. Вот им можно было смотреть в глаза, потому что тогда они подходили и начинали взаимодействовать вполне дружески.

Я начинала именно с изучения обезьян по той причине, что антропология как наука включает в себя подраздел «Приматология» (наука о приматах). И традиционно так сложилось, что антропологи этим занимаются. По бэкграунду я биолог, поскольку оканчивала кафедру антропологии биологического факультета МГУ и веду исследования, которые правильно было бы назвать междисциплинарными, биосоциальными. В этом контексте человек предстаёт как ещё один биологический вид, обладающий сложным социумом, сложной социальной структурой, и эту структуру надо изучать.

— Сколько времени в общей сложности вы провели в Африке и чему она вас научила?

— Почти 20 лет. Я начала там работать в 2003 году. С тех пор до трёх месяцев в году провожу на этом континенте.

Африка научила меня, во-первых, толерантности. Это то, к чему призывают нас всех в современном мире, и то, что необходимо любому исследователю или человеку, который попадает по долгу работы в совершенно другую культурную среду. Если вы не обладаете толерантностью, то просто будете вести себя неадекватно. А как только такое происходит, вы подписываете себе, по сути дела, волчий билет в этом обществе. Кто вам будет там доверять и кто разрешит вести там исследования?

Во-вторых, есть некое общее правило для всех антропологов — понятие так называемого включённого наблюдения: вы не можете незамеченным находиться в конкретном обществе. Как минимум вы можете вести себя нейтрально: находиться там, но вместе с тем — не интегрироваться, хотя на самом деле это почти невозможно по той причине, что вы не робот. У меня, например, нет возможности нейтрально относиться к людям, с которыми я много лет взаимодействую. Естественно, я к ним привязана, они не все для меня равны: есть близкие друзья, есть знакомые, есть нейтральные люди. Но все знают, что я там нахожусь и веду исследования. Они понимают, что я занята делом, что это важно и отчасти какую-то пользу им приносит.

Иногда местные танзанийские локальные национальные издания просят меня какие-то небольшие заметки публиковать, что способствует улучшению знания городского, более продвинутого населения об этих культурах, живущих на периферии. А это не только масаи, о которых знают все, но и скотоводы датога, и хадза — охотники-собиратели. Ещё в начале 2000-х годов о них в Танзании знали единицы, а сегодня практически все. Эти народы внесены в список индигенных, и их культура охраняется ЮНЕСКО.

— Сейчас вы заведуете Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН. Каковы основные направления исследований этого центра?

— Например, нас интересуют эволюционные основы поведения человека и поиск общего в поведении представителей разных культур, сильно отличающихся друг от друга, в том числе по уровню экономического развития. Поэтому мы много лет в Африке исследуем племена бродячих охотников-собирателей (хадза), скотоводов (масаи и датога), а также земледельческие общества (исанзу, меру, хая). Я работаю только с сельским и традиционным африканским населением, имеющим минимальный контакт с западной цивилизацией, для того чтобы понять особенности их поведения в рамках их собственной культуры.

На сегодняшний день мы достигли определённого прогресса. Современная аппаратура и компьютерные средства анализа позволяют обрабатывать не просто большие массивы данных, а огромное количество фото- и видеоматериалов, отражающих особенности «естественного» поведения человека, то есть поведения в повседневной жизни, а не в лабораторных условиях. Например, сейчас работаем с программой Facereader, позволяющей анализировать спонтанные эмоции человека. Исходная информация снимается на видео, а дальше с помощью этой программы мы анализируем видеоматериалы на предмет эмоциональных реакций людей в определённых контекстах. Удалось выявить различия в восприятии эмоциональных реакций мужчин, когда они со стороны наблюдают эмоциональную реакцию женщин, и наоборот.

> *То есть современные данные о том, что существуют гендеры, и о половых различиях лучше вообще не упоминать — немного подвисают в воздухе. Мы, антропологи, постоянно сталкиваемся с материалами, которые говорят о том, что представители мужского и женского пола ведут себя по-разному.*

И восприятие того, как они ведут себя, тоже имеет определённые половые различия. Такие различия с эволюционной точки зрения адаптивны, отражают функциональные различия стратегий поведения мужчин и женщин. Например, эти функции сильно отличаются по той причине, что в перспективе вида мужчины и женщины должны быть оптимально организованы, чтобы

выращивать потомство, способное выживать. Можно говорить о существовании отлаженных в течение тысяч лет наиболее оптимальных характеристиках мужского и женского поведения, в частности родительского. Мужчины и женщины вносят свой вклад, чтобы это потомство не просто выживало, но было эффективно, адекватно и преуспевало в жизни. И этот вклад качественно отличен. Это первое. Перечисленные характеристики универсальны и присутствуют у представителей разных культур.

Другой важный момент: Facereader позволяет увидеть, что даже нейтральное неподвижное лицо на фото несёт на себе следы конкретных эмоций. Поэтому, изучая нейтральное лицо, можно предсказать некий профиль поведенческих стереотипов, индивидуальных для конкретного человека. Использование новых технологий даёт новые возможности для исследований, и они мне представляются многообещающими.

— Вот уже много лет вы изучаете тему «Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека». Известно, что учёные вели поиск генов-кандидатов, связанных с проявлением агрессивного поведения. На сегодняшний день на каком этапе эти исследования?

— Мы чётко знаем, что как минимум целый набор таких генов существует. Мы также понимаем, что агрессивное поведение — сложный феномен, отсюда разные внешние и внутренние причины агрессии и разные формы проявления агрессивного поведения. А стало быть, существуют и разные механизмы, которые порождают агрессию. Эти механизмы завязаны на нашу физиологию и реакции нашего мозга, которые в своей основе часто контролируются и организуются в соответствии с действием целого набора генов.

Другой вопрос, что таких генов много, какие-то из них завязаны напрямую на агрессивное поведение, как нам кажется. Другие же ассоциированы с процессами памяти или оценкой того, что происходит, или контролем возбуждения нервной системы. Но все они в комплексе способствуют принятию решения о выборе стратегии агрессивного поведения и её реализации.

«Мы начинали с конкретных генов-кандидатов и как только находили такую связь, это возбуждало реакцию публики относительно того, что наконец ген агрессии найден. Но гена агрессии нет и быть не может как такового, потому что это состояние определяется сложным комплексом и взаимодействием генов.»

Сейчас исследования на том этапе, когда гены можно выделять, определять их варианты, чётко фиксировать различия в реакциях индивида, носителя этих конкретных полиморфизмов; причём не просто один ген с этими аллельными вариантами, но и комплекс генов, которые друг с другом взаимодействуют, можно анализировать.

— Что касается примирения — есть ли такой механизм у обезьян и как это работает?

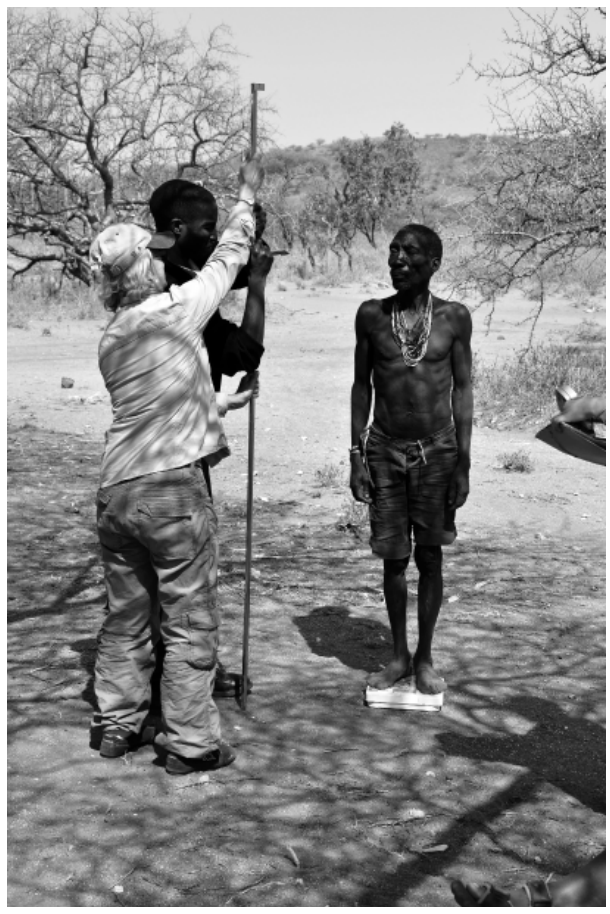
— Примирение — развитый старый механизм, завязанный на социальности. По крайней мере у высших животных, у которых существуют устойчивые или чёткие дифференцируемые группы, можно ожидать те или иные проявления примирения. На сегодняшний день описаны устойчивые, видоспецифичные системы примирения практически у всех социальных видов приматов (конечно же, у высших они развиты гораздо лучше, чем у низших), у ворон и воронов, у лошадей и некоторых морских животных.

Проиллюстрирую исходя из собственного опыта. Я работала с бурыми макаками, сообщество состояло из более 20 животных разного возраста и пола. Жили они в большом вольере с природным покрытием, поэтому у обезьян была возможность куда-то убегать, прятаться. И вот ситуация: две самки вступили в конфликт и стали реально драться. Одна другую укусила, повредила кожу. Кожа разошлась, появилась кровь. Если бы не было механизма примирения, то эти особи просто держались бы друг от друга подальше и перемещались бы по вольеру на некотором расстоянии друг от друга. Но этого не происходит!

Та, которая нападала, ищет контакты с жертвой и демонстрирует свои добрые намерения. Как правило, обидчик старается приблизиться к пострадавшему и может использовать для этого третью особь. Жертва ищет сочувствия, и её друзья реагируют — подсаживаются и начинают перебирать ей шерсть (груминговать). Агрессор вначале подсаживается к этому третьему индивиду и принимается чистить ему шерсть. Такая чистка для них важный элемент доброжелательства, снятия стресса; и элемент доверия, конечно, потому что та особь, у которой чистят шерсть, никуда не бежит. Через некоторое время обидчик перемещается поближе к пострадавшей и начинает уже груминговать ту обезьяну, которую он обидел. Дальше обычно жертва начинает ответную чистку обидчика. То есть восстанавливаются их социальные отношения.

— В современном обществе случаи мужского насилия в отношении женщин довольно распространены. Создаются кризисные центры, куда жёны вместе с детьми могут сбежать от агрессоров. А какую помощь получают представительницы слабого пола в бесписьменном обществе, в той же Танзании?

— В рамках этого общества допустимо, что мужчина будет наказывать женщину и побьёт её. Однако с точки зрения морали данного общества на это должны быть серьёзные причины. Например, когда жена водила на водопой коз, гиены утащили одну из них. Муж заметил пропажу и побил жену. Женщина не может ему ничем ответить и не может вести себя агрессивно. Такая «покладистость» — также культурно обусловленное поведение. Потому что если женщина проявит



Антропометрические измерения хадза

агрессию, в обществе это будет известно, и за ней и её детьми закрепится представление о том, что это плохая семья. Подобная стигма негативно сказывается на перспективах брака её детей. Поэтому женщины до последнего терпят.

Но женщина ищет защиты у общества. И общество реагирует адекватно. Пострадавшая может прибежать к своим родственникам, родственникам мужа или даже к соседям и пожаловаться, что муж её бьёт. Те объявляют о срочном собрании, где выясняют, зачем муж её бил. Мужчина должен хорошо мотивировать, что жена реально виновата, и другого выхода, кроме как наказать её, у него не было. Чаще всего он сделать этого не может. Так что далее ему назначают штраф — он должен отдать пострадавшей во искупление ущерба телёнка или целую корову (хоть они и вместе живут, но право собственности на скот дифференцировано). Кроме того, часть своего скота муж отдаст родственникам жены и тем, кто на собрании решение принимал. Драчун пострадает материально и очень прилично.

На моих глазах происходили истории, когда муж почти всё стадо терял по причине своего неадекватного поведения. Напьётся, приходит злой и бьёт жену ни за что. В конечном итоге остаётся ни с чем — гол как сокол. В ситуациях, когда из-за его агрессивного поведения жене разрешают развестись, она всё стадо с собой забирает. Мораль такова: даже в столь «мужском» полигамном обществе мужьям невыгодно распускать руки, общество препятствует этому.

— Кстати, какое у диких племён отношение к алкоголю?

— К примеру, в культуре датогов есть традиционный алкогольный напиток. Это так называемое медовое пиво, которое варят только в ритуальных целях. И используют его только мужчины, состоящие в браке, и только для церемоний, а не каждый день. А женщины ни при каких условиях не могут употреблять спиртное. В датогском обществе много ограничений на этот счёт, так что довести себя до алкоголизма сложно. У датогов есть чёткие представления, кто и как должен себя вести, и они это соблюдают.

— Как представители разных бесписьменных африканских племён улаживают конфликты между собой?

— Скажем, конфликты между скотоводами датогами и масаями случались в истории неоднократно. В начале 2000-х я как раз застала ситуацию, когда пришлые масаи с сопредельной территории Кении перешли границу (они быстро перемещаются) и ночью угнали у популяции, с которой я работаю на территории Танзании, достаточно много скота. Те проснулись — скота нет. Снарядили молодых мужчин в погоню и сообщили о случившемся полиции. За ворами по бездорожью бросилась полиция на джипах. А тем временем молодые датоги, бежавшие самым кратчайшим путём, догнали и убили несколько человек. Скот отобрали и вернули на место. Я спросила: «Какое наказание полагается им за убийство? Они будут сидеть в тюрьме?». Мне ответили: «Нет, они в своём праве». Я удивилась, как такое возможно? Оказывается, полицейские «сделали вид, что ничего не произошло». Мотивировка такая: «Увели скот даже не граждане Танзании. Кто их туда звал? Тем более ни у кого нет паспортов». После этого случая местные сложили песню, прославляющую молодых героев, которые, рискуя собой, догнали воров и вернули в общину скот.

— Вы в своём выступлении на форуме сказали, что любое сообщество избавляется от эгоистов и благоволит альтруистам.

— Накапливаются обманщики — это правда. Но по мере того, как они накапливаются, вырабатываются и специальные стратегии для вычисления этих обманщиков и удаления из сообщества. Дело в том, что соседние общества конкурируют друг с другом. Общество, которое содержит больше альтруистов, выигрывает при прочих равных условиях, потому что оно скоординированнее, сплочённее, успешнее и размножается лучше.

— Почему сохраняется агрессия в современном мире? Казалось бы, современный человек, но в этом смысле — как бы остался животным.

— Агрессия — это и есть одно из проявлений социального поведения, так же как и альтруизм, и кооперация. И с моей точки зрения, агрессия — это не всегда плохо. Нужно понимать, в каком контексте агрессия имеет место. И понимать, что от рождения определённая доля агрессивности каждому из нас присуща. Было бы странно, если бы этого не было. Человек, у которого напрочь отсутствует способность вести себя агрессивно и стоять за свои права, будет в невыгодном положении. Добро должно быть с кулаками — забывать нельзя.

Сейчас существуют целые институты, которые заняты тем, чтобы поддерживать социальную стабильность в обществе. И постоянно возникает вопрос: можно ли как-то снижать агрессию в обществе? Можно. Но даже в этом случае существует вероятность внешних факторов, которые будут стимулировать её повышение, потому что социум не замкнут.

Существует правило: люди ведут себя более альтруистично по отношению всё-таки к знакомым, чем по отношению к незнакомцам. Это общая закономерность. Мы просто эту особенность должны учитывать. Поэтому на вопрос «Будет ли увеличиваться стабильность в обществе?» не могу ответить однозначно. Наверное, вероятность срывов нельзя отрицать никогда.

Текст _ Татьяна АЛЁШИНА

Фото из экспедиции в Дудинку, апрель 2022 г.

Другой уровень неба

Шестая часть всех КМНС — коренных малочисленных народов Севера — проживает в Красноярском крае. В мире насчитывают около 48 этносов численностью менее 50 тысяч человек, сохраняющих традиционный образ жизни, и восемь из них — народы, исконно обитавшие на енисейской земле. Изучением их культурных традиций в крае занимается коллектив учёных кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института СФУ. О том, на что обращают внимание исследователи и что их интересует в первую очередь, мы поговорили с **Дарьей ПЧЁЛКИНОЙ,** заместителем директора по науке ГИ СФУ.

— Дарья Сергеевна, какие этносы Красноярского края охвачены вашими исследованиями? Как происходит процесс сбора информации — ведь значительная часть коренных народов ведёт кочевой образ жизни? И насколько полными могут быть такие изыскания?

— Наша кафедра уже более 10 лет занимается изучением коренных малочисленных народов Севера края. Это 8 уникальных этнокультурных групп — ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, долганы, эвенки, чулымцы и кеты. Мы исследуем различные этнокультурные практики и сосредотачиваемся на культурных процессах и феноменах.

Как происходит сбор информации? Выбор методологии зависит от предмета и цели исследования. Сначала это, конечно, тщательное изучение источников, которые уже существуют по этой теме, схожей и смежной. Далее обязательно работа с архивными документами. Недавно, например, по одному из грантовых проектов мы исследовали национальную политику СССР в отношении к коренным народам Севера Красноярского края. Собирали информацию в архивах Таймыра и Эвенкии, изучали официальные документы и указы с административными решениями в области экономики, культуры, а также фактические данные о численности населения, поголовье оленей и многом другом. Изучался и отдельный большой объём документов по истории здравоохранения в местах компактного проживания КМНС в период 1920-1970 годов. Словом, любому исследованию предшествует большая работа по сбору исторической информации.

Другие методы исследования, которые используются, — полевые

экспедиции, разного рода интервью: структурированные, личные, групповые, фокус-группы, а также методы цифровых исследований.

— Как при этом ищут информаторов, тех, кто может предоставить нужные сведения?

— Поскольку кафедра культурологии и искусствоведения давно занимается исследованиями в этой сфере, есть широкая сеть контактов среди КМНС. Это представители местных администраций, ассоциаций и т.д. Они всегда могут подсказать, к кому из представителей северных коренных малочисленных народов можно обратиться за помощью.

Обычно люди довольно легко идут на контакт, готовы и рассказать, и показать то, чем они занимаются, рассказать про этнические традиции, показать образцы декоративно-прикладного искусства и т.д. Во время экспедиции в Дудинку проходил фестиваль, и мы могли наблюдать представителей разных этнокультурных групп в этнических костюмах.

— Какой пласт информации удалось собрать за 10 лет, много ли белых пятен в изучении культуры северных народов? Что должно получиться в идеале?

— С каждым годом всё больше открывается доступ к различным источникам информации, например архивам, которые раньше были недоступны. Порой сведений так много, что ты не можешь освоить всё за одну или несколько экспедиций, даже сфотографировать, чтобы потом поработать с этими источниками. Конечно, перед кафедрой стоят большие задачи, но каждая конкретная работа даёт ответ на один или несколько конкретных вопросов. И только по мере того, как мы узнаём больше, картина становится всё более детальной.

Хочу отметить, что кафедре культурологии повезло с научным руководителем и заведующим: это доктор философских наук Наталья Петровна КОПЦЕВА. На системной основе проводятся исследования по различным проектам, регулярно выпускаются статьи, монографии. Скоро, например, должна выйти монография, посвящённая исследованию национальной политики СССР в отношении КМНС, про которое упоминалось ранее. Мы изучали, какие практики советской эпохи в отношении КМНС были полезны, а какие нет, чтобы можно было выстроить современную модель. Конечно, сейчас Север быстро меняется, становится зоной активного промышленного освоения. Меняется климат, который влияет на традиционный образ жизни проживающих в циркумполярной зоне Красноярского края этносов, их культуру. Важно сделать так, чтобы она не исчезла и была частью современных культурных процессов.

— Монографии, которые выпускает кафедра, — это коллективный труд? Можно ли говорить о сформировавшихся на базе Гуманитарного института научном направлении и научной школе?

— Да, монографии коллективные, и каждый сотрудник в той или иной степени задействован в исследованиях. У кого-то лучше всех получается работа «в поле», кто-то удачнее других берёт интервью или обрабатывает информацию. В процесс исследования вовлечены все. Всего на кафедре работают около 30 человек, привлекаются и молодые специалисты, и студенты. У нас сложилась команда исследователей под руководством ведущего профессора — это точно. Научные интересы у сотрудников нашей кафедры самые широкие. При этом состав групп может меняться. Пробуешь себя в разных сферах, в экспедициях, и это не даёт забронзоветь.

— Почему в вашей работе делается упор именно на культурное наследие, на искусство — именно оно лучше передает особенности этноса?

— Культура — это буквально всё, что окружает человека. Культура и искусство как её часть концентрированно репрезентируют идеалы, которые считываются лучше, чем в других видах и формах человеческой деятельности. Покажите, например, «Последний день Помпеи» любому человеку, и ему будет понятно, о чём это произведение.

— Какие виды национального искусства учитываются в работе учёных? Насколько развито народное творчество у представителей коренного населения и как сохраняются традиции? Можно ли назвать «более креативные» этносы? И есть ли

примеры уникальных культурных практик в Красноярском крае?

— Я бы уточнила: не национального, а этнического искусства, ведь нация может быть полиэтничной. Учитывается и изучается прежде всего то, что сохранилось, особенно когда мы говорим про такие уникальные этнокультурные группы, как коренные малочисленные народы Севера. У одной этнокультурной группы может быть развито пение, а у другой оно окажется табуированным и возможным только в период поминального культа или свадебного обряда. Исследуются особенности каждой группы.

У коренных малочисленных народов Севера в нашем крае особенно развито декоративно-прикладное искусство. Оно воплощается в предметах быта, в оформлении одежды, причём мы видим не только историко-культурную составляющую, но и содержательную — как правило, обережную. На Севере, в отдалённых районах, этой символикой владеют не только КМНС. Значения орнаментов знают и другие местные жители.

Нельзя сказать, что тот или иной этнос более развит в культурном плане — у всех есть уникальные практики, все развиваются по собственному пути.

— Сохранилась ли в современном обществе северян передача традиционных песен, обычаев, обрядов из поколения в поколение?

— Здесь многое связано с языком, но, увы, носителей родного языка осталось мало. Причиной этого отчасти стало то, что у многих северных языков изначально не было письменности, её создавали искусственно. Сейчас многое пытаются делать для возрождения языков: издаются учебники, книги, языки преподают в школах.

Что касается устной передачи каких-то традиций, преданий, песен, то это тоже происходит, всё живо. Вообще, надо сказать, у коренных народов сейчас идут активные процессы по сохранению своей уникальности. Это важно в условиях современных глобализационных процессов общества, которые могут вести к размытию границ, утрате самобытности.

— Изучают ли культурологи Гуманитарного института бытовые традиции народов?

— С этим сложнее. Среди представителей коренных народов есть семьи, которые проживают в посёлках круглый год, есть ведущие традиционный кочевой образ жизни и есть те, у кого образ жизни смешанный: они проводят в тундре только часть года.

Важный момент состоит и в том, что, например, язык актуализируется только при ведении традиционного образа жизни, занятиях оленеводством, охотой или рыболовством. А при оседлом проживании люди просто не используют многие слова по своему назначению, и эта лексика уходит. То же касается и бытовых традиций.

— Как давно в этнографических исследованиях используются цифровые технологии и в чём они заключаются? Каково место Красноярского края в этих изысканиях?

— Цифровая гуманитаристика включает несколько направлений. Одно из них связано с изучением онлайн-сообществ. В интернете немало этнически ориентированных цифровых сообществ, через деятельность которых конструируется, демонстрируется этническая идентичность.

Что бывает интересно? Если в обычных полевых исследованиях можно наблюдать жизнь группы в ограниченный период времени, то в онлайн-сообществах можно проследить от начала существования онлайн-группы до настоящего времени и проанализировать, из каких составляющих, практик моделируется виртуальная идентичность этнокультурной группы в цифровой среде. У КМНС ввиду малочисленности часто встречаются не отдельные сообщества, например селькупов или энцев, хотя и такие тоже есть, а группы, в которые объединяются коренные народы Сибири и Дальнего Востока. Анализ этой информации — одно из ведущих направлений цифровых этнографических исследований.

Вообще, цифровое исследование этничности возникло в конце XX века, активно развивалось в 2000-х, а одна из программных книг, «Виртуальная этнография», была издана в 2000-м и переиздана в 2004 году. В отечественной науке этапным периодом можно считать 2010-е годы, например, актуализируются исследования виртуальной этничности Андрея Владимировича ГОЛОВНЁВА.

В Красноярском крае, как и во всей России, да и в мире, виртуальная этнография — молодое направление науки, оно ещё находится на стадии теоретизирования, а методология — на стадии формирования. До сих пор иногда учёные демонстрируют недоверие к этой сфере, материалу, который можно собрать в сети. Но постепенно отношение меняется.

— Разработаны ли технологии, шаблоны, чтобы народ мог представить себя? Делалось ли представление какого-либо этноса полностью, «под ключ»?

— Нет, тут не может быть шаблонов, любая этническая культура особенная. Нельзя прийти и сказать: вот вам схема, действуйте в её рамках, и вас увидят и услышат.

«Не думаю, что создано какое-либо полное и окончательное описание этноса — данные регулярно обновляются, архивные документы постоянно вводятся в оборот и меняют общую картину. Иногда уже написанное становится неактуальным.»

— Гуманитарный институт выпускает два журнала по сибирской антропологии — что это за издания, участвуете ли вы в их наполнении?

— Да, выпускаются два журнала. Там опубликованы мои статьи и статьи, написанные в соавторстве. Главный редактор — Наталья Копцева. Изначально издания формировались представителями кафедры, сегодня редакционный совет и редколлегия — это учёные из разных университетов России. В журналах публикуются статьи по различным научным дисциплинам, и это не только культурология.

Первый называется «Северные архивы и экспедиции», и ключевой здесь является северная тематика исследований. Журнал затрагивает темы по истории, философии, культурологии, искусству, экономике с акцентом на развитие Севера.

Второе издание — «Сибирский антропологический журнал», и его тематика связана с изучением Сибири, с региональными исследованиями, но в более широком смысле, с актуализацией проблем этой территории.

Мои публикации в этих журналах — по темам виртуальной этнографии. Этому же посвящена и моя кандидатская диссертация: в работе пыталась определить, как можно применить методологию виртуальной этнографии к исследованиям виртуальных сообществ этнокультурных групп народов Севера, какие пути репрезентации этничности выбирают КМНС Красноярского края.

— Какие интересные наблюдения удалось сделать при этом?

— Например, моноэтнические цифровые сообщества, скажем, селькупов или долган, делают акцент на том, что они коренные народы с уникальной культурой. Но если мы говорим об этнической манифестации онлайн-сообществ, которые объединяют несколько этносов, акценты другие — народы говорят об экономических и политических правах, проблемах климата, стараются обратить внимание на существующие проблемы крупных промышленных компаний. Это более многочисленные группы, и их участники могут проживать в разных регионах. И их манифестация происходит от лица уже всех КМНС, а не отдельного этноса.

— Основной платформой является «ВКонтакте»? Сколько этнических онлайн-сообществ существует? Люди живут на отдалённых территориях, но имеют хороший доступ в интернет?

— Да, на 2019 год, когда я занималась этим исследованием, максимально широко группы были представлены именно в «ВК», это около 10 отдельных и до 20 смешанных сообществ. Были также группы в «Одноклассниках», сейчас есть в «Телеграме». Может показаться, что это немного, но мы говорим о малочисленных народах, поэтому выборка была репрезентативной.

Интернет на Севере есть, и зачастую это как раз чуть ли не единственная площадка, на которой местное население может заявить о себе. Компьютеры установлены в школах, у людей есть смартфоны.

— Вы продолжаете работать над темой, раскрытой в диссертации?

— Да, но в последнее время занялась и другими исследованиями. По первой специальности я искусствовед, соскучилась по искусству, а потому сосредоточилась на художественном анализе живописных произведений, художественной культуре народов Севера.

— У коренных народов есть серьёзная живопись?

— Конечно. Художники есть и среди тех, кто ведёт традиционный образ жизни народов Севера. Порой это люди, не получившие профессионального образования, но по уровню мастерства не уступающие дипломированным художникам. Как правило, это работы этнической тематики. Потрясающие! Север с точки зрения живописи — особое пространство. Северное сияние, полярные день и ночь, бесконечность снежного покрова — всё это сложные задачи при цвето- и светопередаче, и у многих произведений местных художников необыкновенная колористика.

Или на Севере появлялись особенные художественные приёмы: например, профессиональный долганский художник Борис МОЛЧАНОВ придумывал и создавал свои произведения по уникальной технологии из замши и кожи. А нганасанин Мотюмяку ТУРДАГИН, автор графических произведений, показывал обычные для его культуры образы, но не банальные для широкого круга зрителей. Например, захоронение на дереве, быт в тундре, шамана.

Я изучала этническую живопись Севера. С этим связано много аспектов — важно понять, как формировалось это искусство, какими были первые художественные проявления. Тут тоже нужна работа в архивах. Интересно, как выстраивались художественные процессы, возникали первые музеи, появлялись первые художники.

— Есть ли у вас шанс открыть какого-нибудь местного художника миру?

— Было бы, конечно, здорово. Посмотрим, как всё сложится.

— Кроме науки вы занимаетесь преподаванием. Как вообще нашли свой жизненный путь?

— Я преподаю культурологические и искусствоведческие дисциплины, и мне нравится моя работа.

Я родилась в Канске, в 2008 году окончила там среднюю школу. Искусством интересовалась с детства, серьёзно занималась классическими танцами. А подавала документы в Красноярске на несколько разных специальностей — журналистику, переводоведение, политологию и искусствоведение. Поступила везде. Сделать выбор мне помог отец, а также рассказы студентов о том, что на истории искусств изучают не только теорию и историю, но и практические предметы. Действительно, в годы моей учёбы у нас была мастерская с гончарным кругом, уроки резьбы по дереву, уроки музыки. Преподаватели, например Владимир Ильич ЖУКОВСКИЙ, настаивали на том, чтобы будущие искусствоведы понимали, как создаются произведения искусства разных видов. Считаю, что получила качественное высшее образование.

Окончив бакалавриат по истории искусств, я сделала перерыв на три года — преподавала этот предмет в детской художественной школе имени Сурикова. Но затем поняла, что хочу учиться дальше, и поступила в магистратуру. А потом пришло понимание, что стоит попробовать себя в науке. И мне повезло оказаться на нашей кафедре.

— Вы часто бываете в экспедициях?

— Не так часто, как хотелось бы, поскольку много работы, а на Север не так легко улететь. В последний раз была там весной вместе с коллегами, а если всё сложится, отправлюсь в Хатангу в ноябре.

— Можете поделиться яркими впечатлениями?

— Мне нравится общаться с людьми. Запомнился интересный рассказ северян, сравнивавших свой опыт жизни в семье и в интернате, в книгах о таком не прочитаешь. Слушаешь и начинаешь понимать, как логично, правильно, в согласии с природой всегда был устроен быт северных народов. После таких бесед совершенно иное звучание обретает то, что ты узнаёшь из научных трудов.

За Полярным кругом красивая природа, прекрасная зима, бескрайние просторы. У северян иное восприятие пространства и времени, ощущение жизни. То, что для нас долгий путь, для них рукой подать. И там какой-то другой уровень неба.

Текст _ Софья АНДРЕЕВА

Скифы здесь были?

Какие народы жили на территории нашего региона много веков назад? Какое влияние оказали их быт и традиции на современную повседневность? Почему изучение прошлого проходит неравномерно — многое до сих пор остаётся неисследованным? Об этом и многом другом рассказал профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института СФУ, заведующий лабораторией археологии Енисейской Сибири Павел МАНДРЫКА.

— Павел Владимирович, насколько хорошо мы знаем древнюю историю нашего региона?

— Если мы говорим о Енисейской Сибири, то она изучена неравномерно. Так, Красноярская котловина (это территория от нашего города по долине Енисея и примерно до Большой Мурты) до сих пор мало изучена. И рассказать о народах, которые проживали здесь в разные исторические эпохи, можно немногое.

Лучше всего исследованы южные территории — Минусинские котловины, лесостепные районы, а также Тува. Потому что дольше всего археологи работали именно там: открыли и раскопали огромное количество объектов. Так, большие раскопки проходили на этих территориях в 60-80-х годах прошлого века, когда готовили ложе Красноярского водохранилища, зону КАТЭКа. Все объекты, которые шли под затопление или освоение, попадали в зону изучения.

Ещё один район, который более-менее известен, также был изучен благодаря строительству водохранилища, но уже другого — Богучанского. Исследована Ангара в её нижнем течении — от плотины и вверх до Илимска и далее за пределы Красноярского края. Там также были большие площади раскопок.

Но в первом случае материалы экспедиций уже введены или постепенно вводятся в научный оборот. А вот материалы по Богучанской экспедиции ещё требуют систематизации и осмысления.

— Люди, которые жили на этих территориях, селились там в одно и то же время? Или они шли с юга на север?

— Оба варианта неверны. Время заселения нашего региона — эпоха среднего палеолита, первые люди появились здесь порядка 300 тысяч лет назад. Они действительно шли с юга. Но потом были определённые периоды времени с суровыми климатическими условиями. Тогда в некоторых районах отсутствовало всё живое, не то что человека, даже зверей не было. Естественно, что в эти моменты люди уходили отсюда, а когда наступал благоприятный период, возвращались. Как только появлялись пригодные для проживания территории, они сразу осваивались человеком.

— Какие народы сменяли друг друга на юге Красноярского края — в Минусинских котловинах?

— Эти территории тоже пока неравномерно изучены по хронологии. Мы знаем памятники позднего палеолита, памятники народов палеометаллической эпохи, средних веков, этнографической современности. Они заселялись в эпоху камня, в периоды, когда человек уже знал металл. Знаем памятники культуры средневековья, культуры тех этнических групп, которых застали русские при заселении этих территорий.

— Какие это этнические группы?

— В основном преобладают тюркоязычные.

— Если говорить о севере, о районе Ангары?

— К приходу русских там в основном проживали тунгусо-маньчжурские группы. Частично их ассимилировали самодийцы, енисейцы, русские. Часто коренные народы уходили в другие районы. Кстати, в разные периоды на эти территории — по течению Ангары — заходили и тюркоязычные якуты. Та таёжная зона, как и юг края, образно говоря, была постоянно проходным двором.

— Говорят, что скифы появились именно у нас — в южных районах региона. Это миф?

— Кого считать скифами? Так называют народы, проживающие на довольно обширных территориях. Где они появились? Сегодня учёные больше склоняются к той точке зрения, что предки скифов ушли на запад. Образование этих групп народов происходило в пределах Центральной Азии, но точного места пока не определено.

Действительно, артефакты тувинских курганов Аржан-1 и Аржан-2 показывают влияние той же группы, которая сформировала пласт скифской культуры. И скифы Причерноморья, скорее всего, вышли из этих же территорий, приближенных к Центральной Азии. Из Монголии или из районов Северного Китая.

— Следы пребывания денисовского человека в нашем регионе находили? Могли эти древнейшие люди жить у нас?

— Нет, в нашем регионе таких находок пока не было.

— Какие бытовые привычки, традиции народов, живших на территории нашего края много лет назад, дошли до нас? Возможно, мы даже не догадываемся, что используем опыт наших древних предков.

— Всё, что человек использует сегодня, любое действие, которое он совершает, это традиции и опыт прошлого. Ничего нового в истории не придумано, кроме технологических решений. Люди всегда подстраивались под условия, чтобы выжить, использовали всё, что позволяла окружающая среда. В зависимости от этого занимались разными видами хозяйствования. Где возможно — охотой и рыболовством. Или земледелием и огородничеством. Или скотоводством. Всё зависело от климатических условий региона в определённый момент времени. Так и формировались те или иные группы людей, которые вели тот или иной вид традиционного хозяйства.

В некоторые периоды война также была одним из способов существования людей, выживали за счёт грабежа соседних народов. Это всегда происходит в истории мира. Но воинственных племён амазонок на территории нашего региона не было никогда.

— Чем занимались народы, которые жили на юге края?

— На этих, казалось бы, небольших по площади территориях были разные формы хозяйствования. Климатические условия эпохи палеометалла способствовали развитию скотоводства — домашнего, оседлого типа. Но были и культуры кочевого скотоводства с длительными перекочёвками.

— А в районе Ангары?

— Традиционно эти народы были охотниками, собирателями, рыболовами. В промежуточной лесостепной зоне кроме охоты и рыболовства занимались и земледелием, и скотоводством. Всё зависит опять-таки от периода времени и населения.

— Как были устроены семейные отношения, отношения в общинах?

— Ответ на этот вопрос лучше знают этнографы. Существуют разные варианты формирования коллективов, формы отношения семей. Где-то родство шло по материнской линии, где-то — по отцовской.

— Что это значит?

— Когда спрашивают: «Ты кто?», человек отвечает: «Сын того-то». И называет отца. Но если родство идёт по материнской линии, человек отца не знает. Ранее были коллективы, которые вели род по материнской линии.

— Древние жители нашего края были религиозными людьми?

— Люди были верующими во все времена. Существовали разные формы, на основе которых формировались основные религии, образовывались промежуточные мировоззрения. В каждом коллективе были те или иные верования, начиная от примитивных форм, шаманизма до мировых религий. В нашем регионе мы фиксируем многочисленные варианты религий, особенно на юге края. В разные периоды каждый, кто заселялся, приходил со своим мировоззрением.

— Поговорим о Красноярске. Когда на его территории появились первые люди?

— В эпоху позднего палеолита — в тот период, когда здесь ещё обитали мамонты. На территории города есть стоянки, относящиеся к этому времени. Мы не знаем, какие народности приходили сюда, не знаем, как выглядели те первые жители. Единственные находки — небольшие фрагменты черепа и челюстей человека. По ним восстановить облик невозможно. Если судить по известным погребениям того же времени в Восточной Европе, люди были примерно такого же роста, как и мы. Но, конечно, народы отличались друг от друга.

Мы также не знаем, к какой языковой группе принадлежали те первые люди. Потом здесь, на территории Красноярска, были и более поздние племена, найдены несколько погребений людей европеоидного и монголоидного облика.

— Какие народы жили здесь, когда сюда пришли русские?

— Две группы народов. Качинцы, которые, как и хакасы, относились к тюркоязычной группе. И представители енисейскоязычной группы — кеты, к ним относятся и аринцы. Напомню, что остров Татышев назван в честь аринского князьца Татыша, в его владения он входил. Наверняка в те времена сюда заходили и другие народы. Нельзя сказать, что территория будущего Красноярска была заселена одним народом.

Да, эти культуры условно близкие, хотя и занимались разными делами. Ведь они контактировали, обменивались определённым опытом и достижениями. Качинцы были скотоводами, аринские группы знали коневодство, были мастерами кузнечного дела. И те и другие занимались рыболовством и охотой, в этих местах тогда было много косуль.

— Что произошло с этими народами, когда был образован Красноярский острог? Они ушли?

— В истории всё сложнее, дело не только в приходе казачьего войска. В те времена шла борьба не за территории, а за «объясаченных» — за людей. Многие качинцы были угнаны монгольскими правителями, людской ресурс тогда ценился больше, чем любой другой. Хотя некоторые группы сами ушли отсюда.

— Можно ли сказать, какая эпоха оставила после себя наибольшее количество артефактов?

— В количественном соотношении больше всего предметов, появившихся в процессе изготовления чего-либо. Поясню, что это значит.

> *При изготовлении каменного топора от него отлетят тысячи осколков. При создании орудия из металла таких отходов не будет. Так что у нас больше всего предметов, связанных с веками каменных орудий.*

— А у нас серьёзный ущерб науке нанесли чёрные копатели?

— Они и сейчас вредят. Ни одного чёрного копателя за многовековую историю грабежа древностей не осудили. Вместе с тем наш край сплошь и рядом перекопан этими «специалистами». Своими эгоистическими интересами они вредят не только науке. Считают, что имеют право грабить культуру и историю собственного народа, наживаться на этом, продавать ценные артефакты непонятно куда. Хотя это достояние народа и каждого человека.

Фото Евгения ПУЗИНА

— За вашу практику археологической работы какой самый значимый артефакт удалось найти?

— У каждого исследователя свои подходы, и понятие значимости довольно расплывчато. Наверное, самые значимые — находки, которые были первыми. Я участвую в экспедициях уже много лет, ещё со школы. Но самые запоминающиеся артефакты для меня — найденные в первых самостоятельных работах. Я вёл поиски по Енисею, на территории от Красноярска до Енисейска.

— Что нашли тогда?

— Фрагменты керамики и целые сосуды, орудия труда — железные, каменные, бронзовые. Фрагменты металлургических печей.

— В какое время жили люди, создавшие эти предметы?

— Люди там жили всегда. Народы сменяли друг друга, приходили представители разных групп, с разных территорий, с разными культурами.

— То есть идентифицировать изделия не получается? Значит, сибиряк — действительно собирательный образ?

— Это общее название многонационального народа. Спросите у жителя Сибири: «Откуда ваши предки?». Услышите в ответ: из Белоруссии, Украины, Казахстана...

— Но если, условно говоря, мы найдём коренного жителя в десятом поколении...

— Все русские — пришлые. В Сибири не было русской культуры до момента основания первых острогов. А потом начались переселения. В их числе — столыпинская реформа, комсомольские стройки и так далее.

— То есть посчитать количество народов, которые проживали здесь в разные эпохи, невозможно?

— Невозможно. Сегодня на территории края проживает более 150 национальностей. А сколько их было за прошедшие века?

— Недавно закончился археологический сезон. В Туве группа санкт-петербургских учёных завершила раскопки погребального комплекса Чинге-Тей. Насколько значима данная работа, о чём нам «рассказал» этот комплекс?

— Знаю, что там нашли очередное царское погребение, точнее — погребение вождя, но их называют царскими. Оно относится к более позднему времени, чем аржанские курганы. Соответственно, их значение в том, что они показывают преемственность, новшества того периода, изменяющейся культуры скифского времени.

— В каких районах вы проводите раскопки?

— По всей Енисейской Сибири. Там, где есть возможности и интересы исследователей, сотрудников нашей лаборатории.

— Где работали этим летом?

— Проводили студенческую практику на Ангаре, вели раскопки в Канской котловине, под Красноярском и в самом городе. Работали на территории Шинного кладбища, там был изучен курган тесинской культуры. Это II-I века до нашей эры.

Курган снесли во время расширения территории кладбища. Мы были вынуждены изучать то, что осталось от него. Находки, которые сделаны, уникальны. На сегодняшний день это самый северный изученный курган тесинской культуры. Там был обнаружен коллективный склеп — захоронения десятков людей. Скорее всего, это родовой, а не семейный склеп. Однозначно об этом можно будет сказать после проведения генетических исследований костного материала. Мы нашли множество керамических сосудов разных размеров и разного назначения. Что-то вроде дымокуров–курильниц, бронзовые ножи, кинжалы, боевые топоры, украшения.

— Это то, что, по мнению людей той эпохи, потребуется человеку в ином мире?

— В большинстве древних культур человеку во время погребения оставляют те предметы, которые необходимы ему, пока душа проделывает путь в нижний мир. Условно говоря, это некий походный набор. В него входят какие-то орудия, оружие, еда. Этот набор часто присутствует в местах захоронений.

— Время сохраняет останки жилищ древних людей?

— Конечно. Жилища древних народов тоже были разные — в зависимости от культуры и времени. Например, люди Тагарской культуры жили в полуземлянках, для их возведения использовали брёвна.

— Деревянные части этих зданий сохранились до наших дней?

— Да, после обжига брёвна сохраняются тысячелетиями. На территории нашего города останки жилищ древних людей можно найти на самых разных участках — под современными улицами, домами. Повторю, люди селились там, где были благоприятные условия жизни в тот или иной момент.

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО

Национально-смешанная семья кетов

Удивительное превращение **монголоидов**

Чтобы собрать необходимые сведения о языке и культуре коренных народов, он изъездил Среднюю Сибирь вдоль и поперёк, побывал на Дальнем Востоке (Амур, Сахалин) и во многих странах мира. Всего на счету этнографа 62 экспедиции, из них 13 зарубежных.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций СФУ **Виктор Павлович КРИВОНОГОВ** хранит в своей домашней коллекции фотографии, сделанные во время командировок. На снимках он запечатлён, например, в компании с пигмеями Филиппин, рапануйцами с острова Пасхи и коренными народами с островов Зелёного Мыса в Атлантическом океане. Сейчас учёный готовит к изданию две монографии, посвящённые этнографическим исследованиям процессов у малочисленных народов. В центре его внимания — языковые явления, а также национальные смешанные браки и метисация в динамике.

Профессор работает на стыке этологии и математики, и всё, что происходит у маленьких народов, старается переводить на точные цифровые показатели. Для этого у него есть собственная методика проведения массовых опросов, специальная этнографическая анкета.

— Тут чистая математика и никакого секрета, — поясняет Виктор Павлович. — Я провожу своеобразную перепись, только вопросов этнографических гораздо больше. Скажем, в обычной переписи всего два вопроса по языку, а у меня их двадцать.

После того как составлена анкета, надо обязательно чётко посчитать выборку. У социологов есть такое понятие, как обоснование выборки. Она должна быть репрезентативной. Для маленьких народов я выборку не делаю, опрашиваю все сто процентов. Скажем, кетов 900 человек, и столько же анкет. Работа кропотливая, надо все посёлки объехать. Энцев на нашем севере всего 250 человек — с ними проще, можно с каждым лично познакомиться и всю семью переписать.

Если большой народ, то всех не охватить. Например, у долган 12 посёлков на Таймыре, и я в шести посёлках поработал, половину населения опросил и получил необходимые 25 процентов. Обычно мне помогают студенты-историки, аспиранты. А если народ небольшой, как в Тафаларии (600 человек), то я один за месяц успеваю в трёх посёлках с людьми побеседовать. В результате получаю все показатели в точных цифрах, что даёт большие возможности для прогнозов.

— В начале октября, буквально за несколько дней до нашей с вами встречи, СМИ сообщили, что на Камчатке умер последний в России носитель алеутского языка Геннадий ЯКОВЛЕВ. Неужели всё так печально и коренные языки постепенно уходят вместе с их носителями?

— Языки действительно исчезают, и происходит это потому, что закончилась изоляция. У небольших этносов сохраняется традиционная культура и язык, только если они относительно изолированы — живут где-то в тундре, глубоко в тайге, в горах, в джунглях; и когда с большими народами контакты ограничены. Если же они выходят в большой мир, селятся в посёлках, часто смешанных, получают образование, плюс телевидение, интернет — свой язык становится ненужным, разве что с бабушками разговаривать.

А вот сказать, что малые народы исчезают, нельзя. Из-за государственных льгот детей в смешанных семьях родители, как правило, относят к коренной национальности. Вот и получается, что численность таких народов не сокращается, а даже растёт.

Виктор Кривоногов с друзьями (мулатами-креолами) в Кабо-Верде

Почему так важно сохранять родные языки? В документах международных организаций, которые разделяет и наша страна, говорится, что каждый язык уникален, он есть плод многотысячелетнего развития. Как в букете цветов важен каждый цветочек, так и каждый народ, даже малочисленный, надо сохранять, и каждый язык.

— Многие ли языки уже утрачены?

— С территории нашей страны исчезли некоторые народы, которые были когда-то в летописях. Среди них печенеги, половцы. Исчезают не обязательно военным путём (прямое истребление), а происходит ассимиляция. На Русской равнине в центре России жили когда-то финские племена — меря, мурома; их никто не истреблял, никаких войн в летописях нет. Просто славяне среди них поселились, и через несколько поколений эти языки исчезли, а сами представители финских племён превратились в славян естественным путём.

Я исследовал около 20 народов Сибири и Дальнего Востока. И есть такие, у которых уже младше 40 лет ни один человек не говорит на языке своей национальности. Встречались даже народы, у которых младше 60 лет никто не знает родного языка. Например, в прошлом году на Дальнем Востоке я нашёл народ орочи — их 500 человек, всего две деревни. Встретил там несколько бабушек, которые помнят родной язык. В детстве они говорили на нём свободно, может быть, даже и русского не знали. А сейчас почти не помнят, потому что не с кем разговаривать.

Есть народы, которые стопроцентно забыли свой язык, например сойоты в Саянах, в Окинском, самом западном районе Бурятии. Их две с лишним тысячи человек. Предки говорили на тюркском языке, родственном тафаларскому и где-то отдалённо тувинскому. Но 100 лет назад последние старики умерли, и всё остальное население постепенно перешло на бурятский язык, потому что половина жителей этого района — буряты. Теперь у сойотов родной язык бурятский,

а русский, который они учат в школе, является вторым. Своего же языка они совсем не знают, исчез давно. При этом, что характерно, численность этого народа не уменьшается, потому что дети при рождении в смешанных семьях причисляются к малочисленному народу. Они к этому быстро привыкают и реально начинают осознавать себя представителями данной национальности.

— Если совсем маленький народ и носителей языка единицы, как государство может повлиять на ситуацию?

— Делать это можно только через образование, другим путём повлиять сложно. Хотя есть газеты, или страница в газете на родном языке; издательства выпускают какие-то учебники, мифы, сказки на национальных языках. Но дело в том, что сохранение языка и культуры — во многом процесс естественный, а государственная политика — это искусственное. Если естественным путём язык не сохраняется, то и искусственно его сохранить сложно или вообще невозможно.

Есть, правда, примеры восстановления исчезнувших языков, но у больших народов. Скажем, у евреев в Израиле. Иврит был почти забыт и существовал как язык богослужения, евреи на нём раньше не разговаривали. А у северных народов такого примера нет.

Кстати, лет 30 назад я читал в газете заметку о том, что у алеутов на Командорских островах исчезает язык, потому что нет в школе преподавания. Ввели учебники, словари написали, учителей подготовили, стали преподавать и... можно аплодировать. Но нет. Если родители до семи лет не удосужились научить ребёнка говорить на родном языке и нет бабушек-дедушек носителей языка, то увы. И вот, как вы говорите, последний носитель алеутского языка умер. Школа не спасает.

Самый лучший пример, где максимально хорошо и на протяжении многих лет идёт обучение национальному языку — и учителя есть, и программы, и учебники, — это Эвенкия. Налажено обучение родному языку не только в начальных классах, но и в средней школе. Однако он всё равно для школьников остаётся вторым. В лучшем случае они начинают его понимать к пятому, седьмому, а то и к девятому классу. И я не раз наблюдал картину: бабушка начинает говорить с внуком-школьником на эвенкийском языке, он её понимает, но отвечает почти всегда по-русски.

Родной язык закладывается до семи лет, с самого рождения, и у этих детей заложен русский. Малым народам приходится подключаться к языку большинства при переходе от традиционного образа жизни к современному. И процесс этот неизбежен.

Родной национальный язык для коренного народа остаётся иностранным. Такая же ситуация и в Японии с айнами, и в Австралии с аборигенами, и с индейцами в Канаде. А вот в Гренландии совсем другая ситуация, потому что там сохраняется изоляция.

— Вы и на самом большом острове Земли побывали?

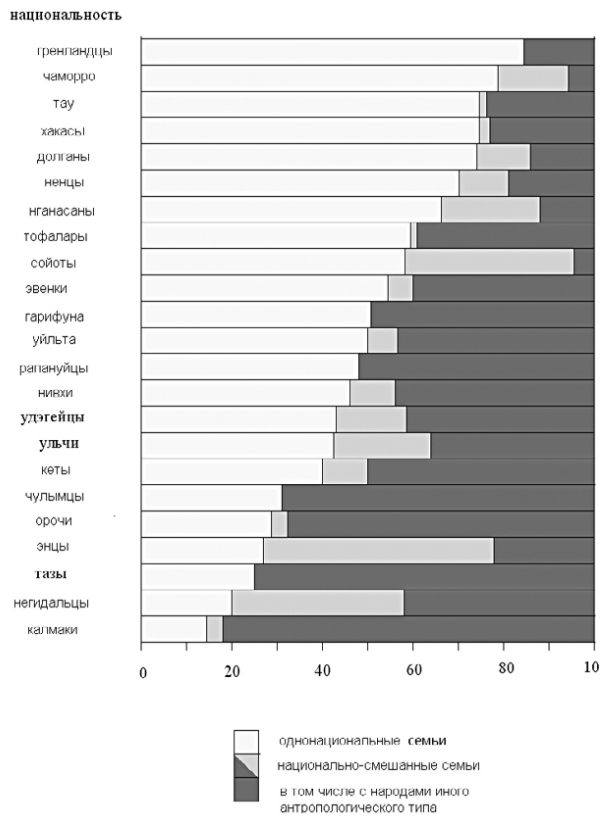
— А как же! Я специально не ограничивал свои исследования только территорией России. Хотелось проследить общие закономерности в мире, понять, какие факторы влияют на метисацию, смешанные браки и языковые процессы. Например, в монографию «Национальные смешанные браки и метисация малочисленных народов» вошли сведения об аборигенах острова Пасхи, островов Гуама, Орхидей, об индейцах одного из Карибских островов и гренландцах.

Процессы действительно идут совершенно одинаково, независимо от страны, где люди проживают; места (на экваторе или на севере) и политического строя. Имеет значение именно система расселения. Кстати, на фоне остальных у гренландцев самый лучший показатель — национальный язык сохраняется полностью. Они получили от датчан большую автономию, и даже все города и сёла переименовали с датского языка на свой, эскимосский, в том числе столицу, она теперь называется Нуук. Там десятки городков и сёл, где нет и не было никогда датчан. И язык коренного народа сохранялся ещё до того, как 30-40 лет назад его начали преподаватьна острове, чтобы научить гренландцев ещё и письменности. А до середины XX века преподавали только датский, и тем не менее в однонациональной среде гренландский язык сохранялся.

— Есть ли в Красноярском крае такие примеры?

— Максимальная изоляция у кочевников-оленеводов. Почти половина таймырских ненцев живёт в тундре, русских видят раз в год. Учатся

Доля национально-смешанных семей у малочисленных народов



местные дети в городах, посёлках, но до семи лет не знают русского языка, потому что в тундре он не нужен. Позже они выучивают русский, но для них он, получается, уже второй. Когда ребята на каникулы домой приезжают, то говорят на своём языке. У половины таймырских ненцев нет проблем с родным языком. Если бы даже его не преподавали в школе, всё равно у них он был бы родным, разговорным. К слову, у оленеводов-ненцев метисация практически близка к нулю, как и языковая ассимиляция.

Сохранился национальный язык и в долганских посёлках Сопочный, Попигай, Сындасско. И хотя там оленеводства осталось мало, но часть населения всё ещё кочует, и русских в этих посёлках наберётся от силы три-четыре процента. А в смешанных селениях язык не сохраняется нигде. Тем более в городах.

Кстати, до 90 процентов мужчин у всех малочисленных народов занимаются традиционными промыслами — охотой и рыбалкой, а это одно из тормозящих ассимиляцию явлений.

— А к чему приводят смешанные браки?

— Прежде всего, меняется внешность. В Сибири, например, в основном проживают народы разных ветвей монголоидной расы, а общаются они больше всего с русскими — представителями европеоидной расы. И поэтому уже пошло второе поколение метисов, а у некоторых народов и третье, и люди вообще уже на азиатские народы не похожи. Например, у русского и его жены-метиски рождаются дети, у которых монголоидная примесь совсем незаметна. Они могут быть голубоглазыми блондинами, говорить на русском языке, который считают родным, но при этом относят себя к малым народам по линии матери — будь то нанайцы, удэгейцы, кеты, тафалары и т.д. Парадокс!

Также смешанные браки усиливают процессы ассимиляции в плане культуры и языка. В таких семьях дети хуже владеют традиционной культурой, национальным языком, не заняты традиционными отраслями хозяйства — охотой или оленеводством, у них не сохраняется национальная одежда и фольклор. Большинство народов Сибири превращаются в группы русскоязычных метисов. У некоторых народов метисами являются сто процентов детей, которые вообще не знают родного языка. То есть через поколение все будут метисами.

Почти у всех народов разработана письменность, написаны буквари, словари, книги сказок и мифов. А мне почему-то запомнилось, как мама-кетка читала своему ребёнку кетские сказки, переведённые на русский язык. То есть даже родители не знают кетского, не говоря уже о детях. У них примерно 20 поселений и почти все смешанные, коренной народ там в меньшинстве. И лишь в трёх посёлках — Келлог, Суломай и Мадуйка немногим более половины населения составляют кеты.

— При каких условиях малочисленный народ может прекратить своё существование?

— Когда ассимилируется полностью, то есть исчезнет родной язык, культура, а из-за смешанных браков — и самосознание. Таким образом в мире исчезло множество народов.

— Может быть, есть малые народы, у которых запрещены браки с человеком другой национальности?

— Для народов Сибири как раз это не свойственно, скорее наоборот. Раньше, когда жили маленькими группами на огромной территории, соседей было мало, и бывало, что все в группе родственники. Чтобы избежать близкородственного смешения, поощрялось рождение детей от людей как можно более дальних. Ведь если в брак вступают близкие родственники — дети будут болезненными. Даже связи с иноплеменниками поощрялись, есть ведь такое понятие, как обновление крови.

Но имеются в России территории, где, чтобы сохранить нацию, жёстко запрещают смешанные браки. Это наиболее характерно для народов Северного Кавказа, в частности Дагестана, где более 50 маленьких этносов (есть небольшие народности, несколько тысяч человек, и смешанных браков там всего один-два процента).

— Что вас больше всего удивило во время этнографических экспедиций?

— Порой у некоторых людей в родословной число разных национальностей достигает пятишести. Не просто кеты и русские, а можно встретить удивительное сочетание: отец русский, но у него мать украинка, а по отцу дед белорус; а у матери кетки — бабушка селькупка по материнской линии, а по дедушке — прабабушка эвенкийка. Шесть национальностей в одном человеке — это впечатляет!

Иногда встречается и лукавство. Мне известен случай, когда человек всегда называл себя русским, а потом, когда появились льготы от государства, вспомнил, что бабушка у него чулымка, и срочно переписался на чулымца. У него действительно есть право выбора. Кстати, чулымцы никогда не имели никаких льгот и не считались малочисленным народом вплоть до 2000 года. Их было-то всего человек 400, а как только государство объявило о новом статусе этой национальности, к этому количеству добавились сразу ещё около 300 метисов, которые раньше считались русскими. Людей можно понять — безработица, бедность, и политика государства по отношению к малым народам очень гуманна.

По итогам всех опросов напрашивается вывод: внешность у большинства азиатских народов в ближайшее время коренным образом изменится, и они станут походить на русских (многие дети от русских уже не отличимы). Но это бьёт по национальной культуре и языку. А если не владеет народ национальным языком, то ни песен, ни сказок, ни фольклора, ни мифов. Всё это уходит. Работники культуры пытаются как-то восполнить пробелы: проводят национальные праздники, создают фольклорные группы, шьют псевдонациональную одежду.

В своих монографиях я стремился показать, что во всём мире процессы у малых народов идут одинаково и к одним и тем же результатам приводят. Причём происходит всё естественным путём и не зависит от субъективного желания власти.

— И напоследок, Виктор Павлович, планируете ли вы и дальше проводить анкетирование малочисленных народов?

— Я обычно предпринимаю экспедиции к тем, у кого уже был, с шагом в 10-20 лет. Подходит срок — снова едешь. В нынешнем году ровно 20 лет, как я летал к энцам на Таймыр, а в 2024 году будет 20 лет, как побывал у нганасан. Так что хочу повторить. Из народов Приамурья и Сахалина я исследовал семь, а всего их восемь. Значит, надо к восьмому съездить — к нанайцам. Запланировал эту поездку на следующее лето.

Текст _ Анастасия АНДРОНОВА

Разрулить конфликт **мирно**

Медиация — это альтернативный метод урегулирования конфликта между сторонами с участием третьей (нейтральной) стороны-посредника — медиатора. Он помогает конфликтующим начать диалог и постепенно перейти к обсуждению противоречий, мешающих адекватно воспринимать друг друга и происходящее. Помогая сторонам осознать истинные интересы и сформулировать свои потребности, медиатор способствует налаживанию контакта и выработке решений. Об этом мы поговорили с практикующим юристом, медиатором, основателем и руководителем компании «Красуд», членом НКО «Территория согласия» Сергеем ФЕДОРЕНКО.

— Сергей, медиация в какой области наиболее востребована среди красноярцев?

— В моей практике это семейные споры. НКО «Территория согласия» выиграла грант, по которому стороны могут взять две медиационные сессии, так что у меня планируется более 50 медиаций в ближайшие месяцы. Здесь идёт совместная работа с органами опеки, где рекомендуют обратиться к нам. Но и самостоятельно люди приходят на медиации по семейным вопросам. Это намного быстрее, чем обращаться в суд: за одну сессию можно прийти к пониманию и решить вопрос, это людей мотивирует.

По итогам встречи заключается медиативное соглашение. Если оно связано с разделом имущества, то заверяется у нотариуса и имеет силу исполнительного листа. Например, если по соглашению супруг обязуется выплатить жене определённую сумму, но не делает этого в оговоренные сроки, она может напрямую обратиться к приставам, которые будут сумму взыскивать.

Медиация — это хорошее решение, чтобы разгрузить суд. После пандемии суды стали более загружены, бывает, что заседания могут откладываться дольше, чем положено по закону, на несколько месяцев. В случае с медиацией всё происходит гораздо быстрее.

— Почему тогда это не так популярно и не все приходят на медиацию?

— По статистике в крае к медиаторам обращаются менее чем в 10% случаев. Есть несколько

моментов. Во-первых, медиация может не состояться, если не соблюдён хотя бы один из её принципов: равноправие сторон, право каждой стороны быть услышанной, беспристрастность медиатора (я не могу брать в медиацию своих клиентов — направляю к коллегам) и добровольность при обращении. Если, например, один из супругов настоял на медиации, а второй не хотел — мы не можем начинать работу. То же самое будет в любом случае, где один из участников не добровольно отправляется в медиацию и открыто об этом говорит.

Во-вторых, многое зависит от нашей ментальности. Мы не хотим принимать самостоятельные решения, а медиация подразумевает именно это. Медиатор направляет, но не решает за человека, как, например, это происходит в суде. Почему люди идут в суд? Отчасти, чтобы сложить с себя ответственность за принятое решение. Приведу в пример Францию. В этой стране каждый вопрос сначала проходит через медиацию. До суда всегда, в любом вопросе, люди обращаются к медиатору, и часть дел дальше не идут.

И тут третий момент: не все в принципе знают в России, что такое медиация, хотя закону уже 12 лет. Возможно, с ростом популярности медиации, если коллеги будут больше рассказывать о своей деятельности, в перспективе 10-20 лет что-то изменится. Пока — медиация не очень популярна.

— С какими ещё вопросами приходят к медиатору?

— Проблемы трудовых отношений. Проблемы партнёрских соглашений. Смена учредителя, недополучение зарплаты работником, оскорбления среди коллег. Единственное, что в медиации невозможно, согласно закону, это коллективное разбирательство по трудовым спорам.

Ещё бывает формат «челночной медиации», когда стороны не готовы на первых порах встречаться друг с другом. Тогда медиатор встречается сначала с одним представителем, потом с другим. Можем подписать соглашение, так и не встречаясь, но, как правило, спустя одну-две сессии люди уже готовы садиться за стол переговоров.

Кроме частнопрактикующих медиаторов у нас в городе работают ещё медиаторы при Торгово-промышленной палате Красноярского края.

— С межэтнической медиацией вам приходилось сталкиваться?

— Всего один раз за четыре года, что я работаю медиатором. Это был конфликт между студентами. Ко мне обратился афроамериканец, его дразнили в вузе. Был один зачинщик, с которым не получалось поговорить тет-а-тет. Я воспользовался «челночной» медиацией и сначала встретился с ним сам. Оказалось, что злого умысла не было, человек даже не понимал, насколько задевает другого. В итоге встретились, пожали друг другу руки, и всё.

Разумеется, бывают конфликты на национальной почве, но часто медиаторам приходится сталкиваться с историями в школах и университетах, где межэтнические контексты на самом деле не так сильно влияют на ситуацию. Приведу пример одного из коллег. В бытовом («обычном») конфликте стороны оскорбляли друг друга и стали для оскорбления использовать признаки национальности. Просто выбрали этот признак, чтобы сильнее уколоть. А могли бы указать на статус, финансовое положение, цвет волос или предпочтения в музыке — любой другой признак. В таком случае часто оказывается, что обидчик не имеет ничего конкретно против национальности другого, и на медиационной сессии стороны проговаривают этот момент. Далее обычно следуют извинения, за счёт чего конфликт остаётся без национального контекста и решается как бытовой.

— Есть ли примеры других стран, как у них с медиацией для урегулирования межэтнических конфликтов?

— Знаю, что в Казахстане медиацию активно использует Ассамблея народа Казахстана как основной вид деятельности.

Межэтнические противоречия часто слишком эмоционально воспринимаются общественностью, а медиация — конфиденциальна и направлена на мировое урегулирование конфликта, поэтому использование этого метода кажется важным ещё и для того, чтобы избежать общественных волнений. В Казахстане, кстати, в принципе развитая система: онлайн-суды, медиация.

— Почему вы стали заниматься медиацией?

— В моей судебной работе я всегда стараюсь договариваться: 80 процентов дел в суде заканчиваются на уровне мирового соглашения или недоведения до суда, когда мы уходим в медиацию. Моя жизненная позиция — мирный воин. Во всех вопросах, что связаны с бизнесом, с людьми, в большинстве случаев можно договориться. Да и все юридические специальности — адвокаты, прокуроры, дознаватели, приставы — это коллеги. Оппоненты в рамках законодательства, но не конкуренты.

По закону о медиации любой человек с высшим образованием может быть медиатором, отучившись около 200 часов и сдав экзамен. В программе 120 часов базовой медиации и 72 часа — «Медиация в ситуации конфликта». В ходе обучения медиатор учится анализировать конфликтные ситуации, изучает способы решения многосторонних и сверхсложных конфликтов, получает возможность создать свой индивидуальный стиль медиатора, отработать навыки коммуникативных, конфликтных и переговорных процедур, научиться эффективно использовать техники невербального общения и т.д.

Один из ведущих специалистов в России по поликультурной медиации — доктор педагогических наук, профессор, академик РАО Ольга СМОЛЯНИНОВА. Накануне прошедшей в Красноярске 14-16 октября международной конференции «Медиация в образовании: социокультурный контекст» Ольга Георгиевна прокомментировала особенности медиации в межэтнических или межкультурных конфликтах.

— Медиация незаменима, когда стороны готовы прийти к обоюдному решению с помощью переговоров, нежели через какие-либо нормы, силовое воздействие или иерархический порядок.

В ситуации межэтнического (межнационального, а мне, как и многим учёным, более близок термин межкультурного) конфликта, как правило, ни одна из сторон в стадии эскалации конфликта не готова идти на уступки и переговоры. Порой, когда одна сторона или даже обе декларируют, что готовы сесть за стол переговоров, они только «делают вид» и принимают стратегию жёсткой конфронтации.

Можно согласиться с мнением В.А. Тишкова, что в наши дни «чисто межэтнических конфликтов не существует. В реальности мы встречаемся с взаимопроникающими конфликтами, которые создают питательную среду друг для друга».

В своём учебнике для вузов «Этнопсихология» профессор МГУ, доктор психологических наук Т.Г. Стефаненко пишет, что «на национальном вопросе часто спекулируют политики».

Р. Ставенхаген считает, что «этнический конфликт охватывает широкий круг ситуаций, и можно даже утверждать, что этнического конфликта не существует, так как есть социальный, политический, экономический конфликты между группами людей, которые идентифицируются в этнических категориях. Эти этнические характеристики часто маскируют другие социальные интересы, интересы элит и политической власти».

Даже специалисты-конфликтологи часто не могут прийти к единому мнению, с каким конфликтом они имеют дело. Хочется ещё раз процитировать доктора исторических наук, профессора, академика РАН В.А. Тишкова «...фактически любой внутренний конфликт, социально-экономический или политический по своей природе, обретает этническую окраску, что, как правило, углубляет и осложняет возникающие противоречия, придавая конфликтам дополнительный эмоциональный фон».

Все учёные сходятся на мнении, что этнический конфликт — это разновидность социального конфликта. Грань между социальными, политическими и этнополитическими конфликтами размыта и трудноопределима. Это отдельная сложная тема, и про медиацию межнациональных конфликтов оставим рассуждать профессиональным политическим переговорщикам, специалистам в области разрешения этнополитических, этноконфессиональных и межнациональных конфликтов. Они рассматривают медиацию как «целенаправленное управленческое воздействие на те или иные группы населения с целью снижения социального напряжения и гармонизации общественных отношений» (Буданов М.А., доцент МГУ).

Если говорить о межкультурных конфликтах в образовании — медиация может быть успешной как технология урегулирования конфликта между представителями различных культур и как разновидность социального конфликта. Хотя, как и в других сферах, вычленить «чисто межэтнические» основания конфликта — непростая задача. Часто вовлечённые в конфликт представители разных национальностей на самом деле борются за статусы, власть, равноправие социального положения и др. И тогда конфликт между учащимися разных национальностей можно рассматривать как конкуренцию между группами — от реального противоборства за обладание ограниченными ресурсами до предполагаемого расхождения интересов, когда в «восприятии одной из сторон противостоящая сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности её членов» (Т.Г. Стефаненко).

Но чтобы медиация как технология урегулирования и профилактики конфликтов в образовании была успешной, необходимо, чтобы руководство образовательных организаций (детских садов, школ, колледжей и университетов) было готово к внедрению данной технологии, а не решало конфликты административным путём. Необходимы профессиональные сообщества медиаторов и специальные структуры: центры медиации (службы примирения) не только в школах, но и в вузах, и других образовательных учреждениях, в которых бы работали профессионально обученные и подготовленные к реальной практике специалисты.

У нас катастрофически не хватает таких специалистов. В Европе, давно столкнувшейся с проблемой мигрантов, таких специалистов начали готовить в прошлом веке, накопили большой опыт подготовки поликультурных медиаторов.

В таких странах, как Португалия, Италия, когда случается истинный межэтнический конфликт между детьми-инофонами и «местными», существуют специальные регламенты, по которым руководство школы обращается в независимые сообщества медиаторов и приглашает специалистов, глубоко знающих культуру, обычаи, традиции всех вовлечённых в конфликт сторон.

Работа поликультурных медиаторов в системе образования в европейских странах узаконена и оплачиваема.

Мы в течение четырёх лет готовим таких специалистов в рамках магистерской программы «Медиация в образовании». Все наши выпускники выходят профессионалами, занимают лидирующие позиции и работают на разных уровнях образования в России и Казахстане. Особенностью магистерской программы является её практическая направленность и кооперация образовательных институтов и профессиональных сообществ Сибири и Казахстана. Вместе с магистрантами мы разбираем различные кейсы поликультурных конфликтов в российской и зарубежной практике. С нами вместе обучают магистров известные в России медиаторы: А.С. Архипкина, Е.В. Морозова, А.Ю. Коновалов, М.В. Быкова, Р.Р. Максудов и др. Мы учимся и обсуждаем проблемы внедрения медиативных технологий в образовании не только в аудиториях, но и на мастер-классах, тренингах, семинарах, круглых столах и конференциях.

Уже в четвёртый раз в СФУ нами была организована международная конференция «Медиация в образовании: поликультурный контекст», которая привлекает как практикующих медиаторов-тренеров, так и специалистов из самых разных научных сфер: педагогов, психологов, конфликтологов, юристов, историков, философов, культурологов и др. В этом году в смешанном формате (очно и дистанционно) обсуждали социокультурный контекст медиации с профессионалами из Казахстана, Белоруссии, Таджикистана и различных городов РФ: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Томска, Иркутска, Краснодара, Новосибирска, Перми и др.

Текст _ Галина ДМИТРИЕВА

Как красота работает **на экономику**

Утверждение «красота спасёт мир», давно набившее оскомину, мы привыкли воспринимать упрощённо и большей частью скептически. Но если слово «мир» не раздувать до космических масштабов, а ограничиться понятием «общество», то придётся признать, что красота влияет и на нас, и на экономику благотворно. Иногда она просто чудеса совершает. За примерами далеко ходить не надо. Всего-то километров за шестьдесят от Красноярска. В деревню Барабаново.

Церковь Параскевы Пятницы в селе Барабаново Емельяновского района, возведённая в середине XIX века, вдруг стала чуть ли не местом паломничества. Точнее, именно таким местом она и стала. Как такое чудо могло произойти, расспросим Алексея Дмитриевича ЯЗЕВА, епархиального древлехранителя Красноярской и Ачинской епархии Русской православной церкви.

— Как священнослужитель употреблять слово «чудо» я на всякий случай воздержусь. То, что какая-то благодать на этом месте почивает, для меня очевидно. Но это оставлю за кадром, потому как я настоятель в Барабаново, а всяк кулик, как известно, своё болото хвалит. Так что скажу лишь о том, что существует объективно и для всех очевидно. А существует сохранность росписи в храме и сохранность окружающего храм пейзажа.

Надо признать, до недавнего времени люди не понимали ценности Барабаново. Ещё лет десять назад, когда мы только начинали говорить о красоте и уникальности этого места, атмосфера в обществе была скорее «нет», чем «да». За эти десять лет божьей милостью и трудами многих мы получили удивительный отклик даже от людей, далёких от церкви. Теперь ни у кого нет сомнений, что это место надо сохранить.

Кстати, таких мест в нашем крае немало. Поезжайте до деревни Минск Большемуртинского района, поезжайте в Курбатово Балахтинского района. Обалдеть, какие места. Почему-то сложилось мнение, что вот в Европе или где-то у нас в Калининграде — там красота. Но вот даже то место, где мы с вами сейчас сидим, оно же просто фантастическое (*а сидим мы с отцом Алексеем на скамейке близ Свято-Троицкого собора на улице Игарской, — Г.Д.*). Это центр города, самая старая территория сохранившихся погостов Сибири. Моя семья была абсолютно не религиозной, но каждое 9 Мая мы приходили сюда. Дед мой был фронтовик. Ещё ребёнком я всё здесь излазил. Надеюсь, что грядёт масштабная перезагрузка этого всего. Возьмите хотя бы сегодняшнее мероприятие (*для уборки на кладбище у храма собрались волонтёры. И в таком количестве, что заняли практически всё прилегающее к нему пространство, — Г.Д.*). Честно скажу, когда несколько лет назад об уборке на кладбищах начали говорить, я был скептически настроен. Но теперь вижу, что реально что-то меняется.

Фото А. Черных

В целом отношение людей к земле, на которой они живут, стало меняться. Убеждён, из этого отношения формируется историческое сознание. А без него о каком патриотизме можно говорить? Мы с уважением должны относиться к месту, где живём, к людям, которые жили здесь до нас. А люди здесь жили замечательные. Помню, когда был студентом первого курса юридического факультета, наш историк Василий Васильевич ГРИШАЕВ рассказывал нам про удивительного человека — архимандрита Нифонта. Он был ветераном войны. На фронт ушёл из Кемеровской области. Был командиром орудия. В самом конце войны на озере Балатон ему осколком снесло обе коленных чашечки. Долго лежал один. Умирал. И тогда дал клятву Богу, что если выживет, пострижётся в монахи. Он выжил. Ноги его срослись, но перестали гнуться. В сорок девятом он принял постриг в Киево-Печерской лавре и тогда же стал главным регентом. У меня хранится часть его нотного архива пятидесятых годов. Хранится и его облачение. Раз в год в Барабаново я в этом облачении служу. В семидесятые он из Киева переехал в Красноярск и привёз сюда традиции Киево-Печерской лавры.

— Если говорить о традициях и историческом сознании, то в России они всё же не угасли. Ещё и проекта реставрации храма не было, а народ в Барабаново потянулся. Интересно, как отнеслись к идее возрождения храма местные жители?

— Первое время местные нас не принимали. И это нормально. В деревнях всегда так. Я уже семь лет как сельский священник и знаю, что деревня года два только присматривается. Потом либо принимает, либо нет. Барабаново не исключение. Тем более что до последнего времени это было страшно депрессивное место. Совершенно тупиковая деревня.

— Чем же люди там жили?

— Жили субсидиями, пенсиями, натуральным хозяйством. Мужики, кто не спился в девяностые, работали на вахте. Кто держал скотину, ездил продавать произведённую продукцию в Красноярск. А последние пять лет Красноярск сам приезжает в Барабаново за покупками. И капитализация земли сейчас взлетела до небес. То, что раньше не могли продать за шестьдесят тысяч, сегодня покупают за полтора миллиона. Место стало престижным.

Известный в стране специалист по реставрации объектов деревянного зодчества Андрей Борисович БОДЭ говорил мне, что в Карелии происходит то же самое. Как только начинает жить храм, начинает жить посад. Всегда появляются люди, которые хотят жить рядом с храмом. И не потому, что они глубоко верующие. Причин много. Вот и смысл Барабаново не только религиозный. Смыслов достаточно. Они и исторические, и архитектурные, и туристические. Места там изумительные. И рыбалка, и грибы, и ягоды. Транспортное плечо в шестьдесят километров для людей сегодня не проблема.

Вообще, это народный проект. Здесь и придумывать ничего не надо было. Импульс был дан снизу. Сейчас и краевая власть подключилась. Впервые были выделены просто грандиозные для Барабаново суммы — 60 миллионов рублей. А это и дороги, и подстанция. Ещё три года назад у нас высоковольтная линия проходила в трёх метрах от храма. Понятно, что так быть не должно.

— Значит, теперь есть бюджетное финансирование?

— Проектные работы и работы по консервации были проведены благодаря частным пожертвованиям. Сейчас подключилось государство. Финансирование идёт из краевого бюджета, потому как здание церкви — это охраняемый государством памятник регионального значения. Получатели денег не мы, а уполномоченные на то государственные структуры. Сделано немало. Например, этим летом был установлен молниеотвод. Мы бы сами этого сделать не смогли, дорого. Надо сказать, установили вовремя. Буквально через месяц была дикая гроза, и ударила молния. Молниеотвод сработал, всё осталось стоять.

— Замечательно. А на какой стадии сегодня реализация проекта?

— Собственно реставрационные работы ещё не начаты. Но проект реставрации готов. Он был выполнен Центральными реставрационными мастерскими в Москве почти четыре года назад. Заказчиком проекта был наш приход. Над проектом работала команда под руководством Андрея Борисовича Бодэ. Они занимаются именно деревянным зодчеством и неоднократно приезжали в Барабаново. Сегодня проект прошёл все необходимые экспертизы и согласования. Смета уточнена, идёт подготовка к тендеру. Надеюсь, что в ближайшее время будет определён подрядчик.

— С подрядчиками, подозреваю, не всё так просто. Есть из кого выбирать?

— Проблема рук есть везде. Уже много лет я участвую в различных московских совещаниях, где собираются мои коллеги епархиальные древлехранители. Приезжают они из Калининграда, из Владивостока, из Иркутска. Везде одно и то же. Когда дело доходит до стамески, до мастерка, начинаются проблемы.

В реставрации одних технических навыков недостаточно. Даже хорошему плотнику нельзя в один момент дать понимание дерева, которому двести, триста лет. В реставрации, как в медицине, главный принцип — не навреди. Человек должен понимать, где находится, к чему прикасается. Невозможно,

выполнив подряд по строительству силосной башни, завтра идти реставрировать объект XIX века. Это разное состояние духа.

Когда в доковидную эпоху я ездил на повышение квалификации в столицу, там нас возили по реставрационным мастерским, по стройкам. Мы говорили с архитекторами, с рабочими. Бывали и в реставрационных мастерских музея Андрея Рублёва, общались с реставраторами икон. Из этих разговоров было понятно, что реставрацией надо жить, иметь особое состояние духа, как бы пафосно это ни звучало.

Специалистов-реставраторов, и не только проектировщиков, но и плотников, каменщиков, штукатуров, краснодеревщиков необходимо выращивать. К сожалению, та система, которая в советское время этим занималась, была утрачена. Сейчас она понемногу начинает возрождаться.

Но не все возможности используются. Например, ещё десять лет назад в Енисейске один из замов губернатора говорил: «Ребята, грядёт реальная работа. Пока есть время, давайте переформатируем местное ПТУ и начнём учить ребятишек не абстрактному чему-то, а кладке крупноформатным кирпичом и штукатурке реставрационными растворами. Скоро сюда придут большие деньги. Люди будут работать у себя дома, станут специалистами». Вроде начали, да до ума не довели. А ведь властью предлагалась любая помощь.

Если говорить не о том, что у нас плохо, а о том, что мы можем сделать, — нужна консолидация здоровых сил. Если каждый из нас, находясь на своём рабочем месте, неважно кто — священник, преподаватель, студент, человек из госструктур, хоть что-то за год сделает, то школа реставрации у нас будет. Школа как комплекс, объединяющий разных специалистов, наполненных тем самым духом, без которого подлинная реставрация невозможна.

Идея создания в Красноярске такой школы сегодня есть. О ней расскажет Александр Васильевич СЛАБУХА, профессор кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета.

— Начну с того, что опыт подготовки к юбилеям Енисейска и Минусинска показал нехватку специалистов реставрационного профиля — архитекторов, инженеров, мастеров рабочих специальностей. А впереди у нас 400-летие Красноярска. Необходимость формирования образовательного кластера, способного решить эту проблему, очевидна. Потенциал для этого в городе и крае накоплен достаточный — и образовательными учреждениями, и профессиональным сообществом.

Опираясь на эти силы и опыт, есть реальная возможность создать для сферы сохранения памятников специализированное научно-образовательное подразделение Института архитектуры и дизайна СФУ — профильную кафедру «Высшая школа архитектурной реставрации», или сокращённо, как мы называем, «ВШАР-Сибирь». Её задача — объединять усилия образовательных структур, проектно-производственных организаций и учреждений культуры для обеспечения подготовки специалистов разных уровней. По направлению «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» — это бакалавриат (5 лет), магистратура (2 года), аспирантура (3 года) и два года ассистентура-стажировка (*послевузовская подготовка для выпускников творческо-исполнительских специальностей, — ред.*)

Помимо высшего в школе можно будет получить и среднее профессиональное образование. Предусмотрена подготовка специалистов рабочих профессий, таких как реставратор декоративных штукатурок и лепных изделий, реставратор декоративно-художественных покрасок, реставратор произведений из дерева и реставратор памятников каменного и деревянного зодчества. Время подготовки десять месяцев. Профессиональные и образовательные стандарты по этим направлениям уже разработаны. Преподавать будут аттестованные мастера.

Но и это не всё. Предусмотрено дополнительное образование детей — школа юного реставратора. И это важно. Реставрация объектов культурного наследия требует от специалиста особой погружённости в профессию. И чем раньше оно произойдёт, тем лучше. Реставратор должен не только знать и уметь, но и обладать особым чутьём. А для его выработки нужна особая атмосфера. Создать такую атмосферу и должна Высшая школа архитектурной реставрации.

Идея родилась года три назад. Тогда же возникла содержательно-прагматическая мысль «поселить» этот архитектурно-реставрационный кластер в уникальное и единственное принадлежащее СФУ историческое здание — в учебный корпус на улице Ленина, 70. Здание имеет статус объекта культурного наследия регионального значения. Оно, как никакое другое, способно обеспечить глубокое органическое единство со школой и способствовать созданию той атмосферы, о которой мы мечтаем. Здание расположено в историческом центре, обладает собственным архитектурно-художественным и культурно-мемориальным значением. Изначально в нём располагалась мужская гимназия, из стен которой вышли такие известные красноярцы, как художник Каратанов, архитектор Чернышёв и другие замечательные люди нашего города.

Проект реставрации здания готов. Он выполнен под руководством главного архитектора компании «ПроектСтройСервис» Геннадия Фёдоровича АНДРЕЕВА. В проект заложено всё, что необходимо для учебного процесса на всех стадиях подготовки специалистов. Предусмотрены учебно-производственные мастерские колледжа, оснащённые всем необходимым для образовательного процесса. Оборудование уже заложено в смету. Предусмотрено и три выставочных зала. Реставрационные работы должны начаться в следующем году.

— Да, работа проделана большая. А с чего всё начиналось? Откуда тот потенциал, о котором вы говорили вначале?

— Формально профессия архитектор-реставратор молодая. Она выросла из специальности «Архитектура» в семидесятые годы, когда памятники стали выявлять и ставить на учёт. В регионах были образованы группы исследователей на базе строительных или архитектурных факультетов вузов. У нас в Красноярском инженерно-строительном институте Юлия Израилевна ГРИНБЕРГ создала исследовательскую группу из молодых преподавателей, вчерашних выпускников и старшекурсников. Летом они работали в «поле», а зимой подготавливали документы для постановки памятников на учёт и охрану. В этой группе работал и я, тогда молодой выпускник архитектурного факультета.

Под руководством Юлии Израилевны в группе создавались паспорта, учётные карты и т.д. Всё это чемоданами отвозилось в Москву во Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания. Там эксперты оценивали, давали рекомендации, и потом здесь на месте здания уже включались в реестр охраны объектов культурного наследия. Этот исследовательский материал, конечно, отражался в учебном процессе, в дипломных проектах. А двенадцать лет назад, когда ещё не было образовательного стандарта, по реставрации была открыта магистратура. Спустя три года появился и стандарт. Вот так идея и вызревала.

Надо сказать, интерес к профессии реставратора растёт. В этом году конкурс среди абитуриентов по направлению архитектурной реставрации в СФУ составил 3,8 заявлений на место. Это высокий показатель.

— А насколько велико поле деятельности для реставраторов в нашем крае?

— Почему только в крае? Мы же Сибирский федеральный университет. По сути, мы на всю Сибирь работаем. Да и на Дальний Восток. Конечно, на этой огромной территории концентрация памятников иная, чем в европейской части страны. Но это не умаляет значения наших памятников. Скорее наоборот.

Если говорить о востребованности специалистов в сфере охраны памятников, то оставим лирику и поговорим о деле. А оно состоит в том, что каждый стоящий на учёте памятник имеет охранный документ. В нём прописано, как здание содержать, с какой периодичностью проводить ремонтные работы, реставрировать. И здесь всё серьёзно — за несоблюдение предусмотрена административная ответственность, в особых случаях даже уголовная. Получается, максимум в десять лет надо делать новый проект. В соответствии с законом делается он лицензированными организациями, аттестованными специалистами. И это непросто. Например, для здания учебного корпуса на Ленина проект реставрации делался почти два года. Далее следует историко-культурная экспертиза проекта. Разумеется, её тоже выполняют аттестованные специалисты. Таким образом, за жизнью каждого памятника стоит большая и постоянная работа множества профессионалов — от архитектора до рабочего-строителя.

Проект реконструкции здания на ул. Ленина, 70

А теперь прикиньте, сколько у нас памятников сегодня и сколько будет завтра. Время идёт. То, что сейчас числится новой архитектурой, завтра может перейти в разряд памятников. Со всеми вытекающими правовыми последствиями. Кстати, определять, кому в памятники, а кому, образно говоря, под бульдозер, должны тоже аттестованные специалисты.

Надо сказать, что лицензированных организаций у нас в крае больше, чем где-либо в Сибири и на Дальнем Востоке. Этим организациям нужны специалисты. Много специалистов. Так уж сложилось, что Красноярск имеет статус активного субъекта в сфере реставрации. И терять его нельзя. По сути, мы столица этой деятельности за Уралом. Кстати, это даёт нам определённые преимущества, если вспомнить, что проектировщик имеет право проектировать для любого региона.

***

Вот так, начав с красоты, разговор вышел на преимущества и экономику, как и было заявлено. Потому что в создаваемом кластере с его особой атмосферой не только реставраторам, но и финансистам, экономистам, юристам будет чем заняться. Кстати, им сегодня тоже полезно проникнуться историческим сознанием. Ведь у этого сознания есть и экономический смысл, который профессионалам давно пора просчитать.

Ольга со студентами («В центре Мира»)

Текст _ Татьяна АЛЁШИНА

Мосты между странами

Ольгу ГРИШИНУ, директора Института Конфуция в Красноярске, преподавателя КГПУ имени Астафьева, кандидата филологических наук, выпускницу Красноярского госуниверситета, мою однокурсницу и старосту нашей прекрасной группы филфака середины 1980-х, можно слушать и слушать. «Тебе же книгу нужно писать!». — «Да некогда пока».

Мы разговаривали в тихом зале международного института на Лебедевой, где сплетаются такие непохожие культуры Китая и России, где пьют правильный чай из хрупких чашек, пишут тонкими кисточками слова-узоры чужого языка и бережно выращивают отношения между народами. Так, как это нужно делать между любыми народами мира.

Институт Конфуция

— Официальное название нашего института — Научно-образовательный центр китайского языка и культуры «Институт Конфуция». Такие центры открываются во всём мире для изучения и пропаганды культуры Китая. Институты Конфуция есть в США, в Австралии, в Европе — практически во всех странах, где есть сами китайцы. В Красноярске он открылся в 2019 году.

Занимаются здесь русские студенты. Это же центр по изучению в том числе китайского языка. Прийти к нам могут вообще все, кто хочет изучать китайский. Желающих, кстати, много. Проблема в том, что не хватает кадров. Люди звонят и спрашивают: а кто преподаватель, он настоящий китаец или нет? Интерес вызывают только носители, хотя, как известно, объяснить нюансы грамматики или фонетики, показать, что нужно делать с языком и нёбом, чтобы произнести тот или иной звук, проще русскоговорящему преподавателю.

Тот, кто вначале кричит «дайте нам китайского учителя», уже через пару недель просит: «дайте русского». Учить китайский с нуля тяжело, непонятно, страшно, многие бросают. Это сложный язык. Я всем говорю: наберитесь терпения, без этого результатов не будет!

Но мы неслучайно называемся центром китайского языка и культуры. Стараемся давать знания не только языка, проводим бесплатные мастер-классы для всех, кто интересуется Китаем. У нас есть гимнастика цигун, боевые искусства, обучение китайской чайной церемонии.

Кстати, культура чаепития в Китае совершенно отлична от русских традиций. Мы можем заварить чай утром и пить его весь день; это совершенно непонятно китайцам. Непонятно им и как можно добавлять в чай сахар или запивать им булку, ведь тогда ты не чувствуешь настоящего вкуса напитка. Жители Китая заваривают чай при определённой температуре, пьют только свежим, ведь букет чая раскрывается по-настоящему в зависимости от сорта чая и только при третьей заливке, а то и пятой. Когда красноярцы приходят на наш мастер-класс по чайной церемонии, они видят, во-первых, как красива сама церемония, а во-вторых, чувствуют аромат чая, который расплывается по всей аудитории.

Ещё у нас есть мастер-класс по живописи гохуа. Его проводит Виктор Алексеевич АСАДЧИКОВ, преподаватель Красноярского художественного училища им. В.И. Сурикова, заслуженный работник культуры Красноярского края и знаток техники традиционной китайской живописи. А если приедут молодые китайские преподаватели, которых мы сейчас ждём, то устроим занятия по каллиграфии и цзяньчжи — традиционному китайскому искусству вырезания узоров из бумаги.

Контракт для наших иностранцев рассчитан на 1-3 года. Но всё, увы, может сорваться из-за пандемии. В Китае строго к этому относятся. Уже куплены билеты, но многомиллионный город, в котором они живут, закрылся на карантин: заболели 26 человек. В Китае в телефонах у всех установлена программа, которая показывает уровень опасности. Красный — ты не имеешь права выходить из дома. Жёлтый — опасный уровень, зелёный — свободное передвижение. У наших жёлтый, и они, как и мы, переживают, что им не удастся выехать в Пекин, чтобы прилететь сюда. Но надеемся, что всё получится и наши новые молодые китайские коллеги приступят к занятиям.

Открытие Азии

— Как я оказалась в китайской теме? Случайно. Моими первыми иностранными студентами были не китайцы, а немцы, в 2000 году. Группе немецких студентов тогда был нужен преподаватель русского языка, который владел бы немецким. И я благодарна нашему КГУ, где отлично преподавали иностранные языки. Смешно, но когда я начала работать с немцами, они сказали, что у меня баварское произношение! Моими учителями в университете были Эльвира Андреевна МЕЛЬНИКОВА и Нелли Альбертовна РОГОЗИНА, немка по происхождению; наверное, баварскому акценту я научилась у неё.

С той первой группы дело пошло. Но уже с другими странами. В 2009 году мне предложили поехать в Южную Корею, и я работала там в 2009-2010 годах. Тогда это была страна-загадка. Это сейчас мы многое знаем о Корее благодаря телепередачам, сериалам и моде на корейскую культуру. А в то время мы почти ничего не знали, и для меня эта командировка стала жизненным экспериментом. Но это оказалось счастливое открытие страны, потому что после работы в корейском университете, в городе Дэгу, у нас с корейцами завязалось очень тесное сотрудничество. Именно в нашем университете вскоре появился центр корейского языка. Обидно, что сейчас его в КГПУ нет. Однако годы с 2010 по 2015-й были замечательными, я даже дважды возила наших красноярских студентов в Южную Корею на практику по русскому языку как иностранному. Это был полезный опыт как для наших российских студентов, так и для корейских, потому что общение с ровесниками

всегда завязывается легче и проще, чем со строгими преподавателями университета. Сотрудничество прекратилось также в основном из-за пандемии. Корейцы не хотят учиться русскому дистанционно.

В 2017 году меня пригласили работать в Хулунбирский университет, это на севере Китая. Я согласилась, поскольку, как уже говорила, люблю эксперименты. На севере я поняла, что там нет чисто китайской культуры — большое влияние на эту часть страны оказали русские, переселенцы времён революции. Там до сих пор есть малые города и деревни, где живут потомки российских беженцев. Эти люди давно смешались с местным населением, у них чёрные волосы, но при этом голубые глаза! И они говорят по-русски, пусть и с акцентом. Я благодарна китайским коллегам за то, что они организовали мне поездки в эти русские общины. На севере Китая сильно ощущается влияние также монгольской культуры.

Мне хотелось познакомиться с настоящей культурой Китая, и когда я получила приглашение в город Чэнду провинции Сычуань, то очень обрадовалась, что смогу увидеть традиционный Китай. Вообще для меня стало открытием, насколько разнообразна и содержательна китайская культура. Я работала в стране в 2017-2019 годах, но узнала о Китае только самую малость.

Острее острого

— В каждой провинции КНР свой национальный костюм, говор, культура питания. Китайская кухня и отношение к ней — отдельная тема. Вот ты спрашиваешь о культурных отличиях. Так вот, куда бы я ни приезжала со своими китайскими студентами, они первым делом говорили: пойдём в ресторан! Ура, здесь мы можем попробовать местную кухню! Для меня это было дико, ведь русские путешественники первым делом идут осматривать достопримечательности и музеи. А китайским студентам это было непонятно. Но они шли за мной, ведь для них, в отличие от русских студентов, преподаватель — бог, никаких возражений не допускается.

Но после музеев мы отправлялись в ресторан. Я люблю китайскую кухню, но в провинции Сычуань есть не могла. Это очень острые блюда, острее корейских. В Красноярске такое не попробовать — в местных китайских ресторанах меню ориентировано на русского посетителя. Их шеф-повара понимают, что если приготовить что-то настоящее, гость не оценит.

Вообще, мне кажется, в Китае существует культ еды. Ведь так хорошо питаться китайцы стали совсем недавно, лет 50 назад, а до этого многие умирали от голода. С проблемой удалось справиться, когда был изобретён гибридный рис, дающий хорошие урожаи. Сейчас, конечно, экономика КНР развита, и китайцы могут позволить себе есть досыта — даже студент легко найдёт ресторан по карману.

Китайских языков слишком много

— Нельзя сказать, что я освоила китайский. Для изучения любого иностранного языка нужна мотивация. Я приехала на работу в Китай и была готова заниматься китайским, но меня окружило множество студентов, которые хотели говорить по-русски и помогали быстро решать бытовые проблемы. Они просто не давали мне говорить по-китайски, в результате моё знание языка свелось к элементарным фразам «Спасибо», «До свидания», «Как пройти». Тем более существуют программы в телефоне — достаточно включить переводчик. Вот и поговорили, называется.

А совсем я бросила изучать китайский, когда приехала в Сычуань и увидела, что вообще ничего не понимаю. Если на севере Китая я вполне разбирала на слух, о чём идёт речь, то на юге — увы. Моя коллега китаянка из северной части страны тоже с трудом понимала южан. А ведь свои диалекты и в других частях КНР — в Шанхае, в Гуанчжоу, всюду.

Давайте негромко

— Вышесказанное не значит, что китайский не нужно учить. Главное — изучение не должно сводиться только к языку. Без знания культуры постичь народ, узнать его страну невозможно. Ты научишься говорить элементарные фразы, но не будешь понимать, как вести себя в этом обществе, и постоянно начнут возникать коммуникативные осечки, проблемы.

Наблюдая, как подчас ведутся переговоры с представителями китайской стороны, я уже могу увидеть, почему они не привели к результату. Китайцы щепетильно относятся к церемониалу. И бывает, что договорённости не удаётся достичь только потому, что люди сидели не в том порядке; китайские партнёры истолковали это так, что их не ценят, и ушли «дружить» с другими. Такая многочисленная нация, которая во многом ещё живёт по коммунистическим законам, очень дисциплинированна, им внутри необходимо соблюдать правила, а нам — деликатно относиться к ним. Без этих нюансов диалога не получится.

Вот пример. Когда я работала на севере КНР, там было много преподавателей из России. И китайцы невзлюбили одного из них. Понаблюдав, я поняла почему: он разговаривал слишком громко и нередко в присутствии декана. А ведь это по азиатским правилам нарушение субординации. Нужно было говорить тише, не давить на собеседников своими манерами и голосом.

Кстати, о речи, об интонации. Одно из направлений, которым я занимаюсь в университете, — интонология. Это факультативная дисциплина, полезная для всех. К сожалению, сегодня в наших школах уровень речевой культуры самих преподавателей снижается, что касается и интонации. Часто конфликтные ситуации в жизни возникают именно из-за того, что человек не умеет управлять своей интонацией. Кажется, что с позиции лексики мы никого не оскорбили, не сказали обидного слова. Но интонацией нанесли собеседнику ущерб. Я бы советовала открыть дополнительные курсы по речевому поведению — сначала для педагогов, потом для всех желающих. А ещё мне как лингвисту обидно, когда от ведущих на радио, телевидении я слышу неправильную речь. Так и хочется сказать: ну пригласите филологов, ведь такие ошибки легко устранить!

Не соблаговолите ли, сударыня

— У преподавателей в Азии удобный график. И в Корее, и в Китае учебный год построен так: 4 месяца учёбы и 2 месяца каникул. На эти два месяца можно уезжать домой. И это идеальное время для занятий наукой, которого нет у преподавателя, работающего в России. К сожалению, аудиторная нагрузка вузовских преподавателей с каждым годом увеличивается, и времени на научные исследования просто не остаётся.

Сейчас, например, меня хватает только на небольшие методические статьи, в которых я делюсь своим опытом работы с молодыми преподавателями. На науку просто нет времени. А так иногда хочется закрыться в кабинете, выключить телефон и завершить начатое — дописать два учебных пособия по русскому языку, которые могут пригодиться.

«Русский язык, конечно, очень сложен для изучения. Взять сочетаемость слов. Какой же это трудный вопрос для иностранца! Зарубежных студентов всегда проще обучить русской грамматике, чем лексической сочетаемости. Например, почему мы говорим «карие глаза», но нельзя сказать «карий стол» или «карие волосы»? В учебниках для иностранцев ничего об этом нет, и хочется восполнить пробел.»

Помню, один китайский студент, который отлично знал русский язык, обратился к русской студентке с таким вопросом: «Глубокоуважаемая сударыня, не соизволите ли вы подсказать, где тут находится расписание занятий?». Она рассмеялась в ответ, а китаец прибежал ко мне в панике: «Что я нарушил?». Похожая история была и со студентом-французом. Потому что эти иностранцы учились русскому языку в своих странах у потомков русских эмигрантов, которые сохранили речь столетней давности.

Я потом познакомилась с теми французскими преподавательницами, они даже приезжали в Красноярск, причём у одной из них прадед, воевавший на стороне белогвардейцев, погиб под Канском, так что для неё путешествие сюда оказалось очень значимым. А мне было любопытно наблюдать за её дворянской речью, такой образной, грамотной, красивой. «А что, теперь так не говорят?» — удивлялись наши гостьи.

Ты усердный!

— Что именно больше всего удивляет меня в китайских студентах? Они очень усердные. Кстати, это слово как раз они и употребляют: «Преподаватель, я усердный студент?». Да! Вспоминаю работу с одной из групп. Это оказался жестокий эксперимент, который повторять не стоит. Я дала студентам домашнюю работу — они её выполнили. Задала побольше — все как один выполнили снова. Ещё больше — и новая работа тоже оказалась сделана! И тут приходит ко мне русская студентка и говорит: «Ольга Анатольевна, вы знаете, ваши китайские студенты по ночам не спят, сидят в холле для занятий и делают домашнее задание. Вы не могли бы задавать им поменьше?».

Представляешь такое с русскими студентами? Подумаешь, не успели — не сделали. А на следующем занятии ещё стали бы возмущаться: у нас кроме вашего предмета и другие есть! Но у китайцев такое почтение к преподавателям, что они даже не подумают возразить, всё сделают безропотно.

Ещё похожий случай. Как-то пришла ко мне китайская делегация и сообщила: мы недовольны тем, что у нас мало занятий, всего по две ленты в день. Хотим больше, нам нужна грамматика, добавьте и историю России, чтобы каждый день было по 3-4 ленты! Мы ведь сюда приехали учить русский язык! Не представляю, чтобы русский студент вот так пришёл в деканат и возмутился, что у него две ленты вместо четырёх. Он, наоборот, скажет: вы нарушаете требования к охране здоровья, мы на вас пожалуемся.

Публичное одиночество

— Мне нужно съездить в Китай, чтобы забрать оставшиеся там вещи. Но надолго уже не планирую. Если честно, не хочу. Во-первых, есть обязательства перед моей семьёй. А во-вторых, другая страна — это трудно. Сложной для меня была не культурная адаптация, а географическая, привыкание к новому климату. Причём на юге Китая гораздо труднее, чем на севере. На севере в домах есть отопление, а на юге нет, при этом температура зимой не опускается ниже нуля, но дома, как на улице. Стены бетонные, никакой обогреватель не спасает. Спать приходилось на простынях с подогревом, в специальной пижаме, которые там популярны, в шапке и рукавицах. Забавно, что, когда я приехала в Чэнду, меня спросили, взяла ли я второй пуховик. В одном пуховике тут ходят по улице, а другой носят дома. Действительно, пришлось купить второй. И представь, разговариваю с родными по скайпу, они тут в Красноярске в одних маечках, а я сижу на юге Китая в шапке и рукавицах. Для моего здоровья всё это было неполезно, и после года работы я не стала продлевать контракт.

Была и кулинарная адаптация — не ожидала, что буду так тосковать по молочным продуктам. Китай не молочная страна, похожие продукты у них можно назвать молочными только условно.

Что касается социальной адаптации, то тут мне повезло. Я счастливый человек, во всех странах знакомлюсь с хорошими людьми, во время всех стажировок и работы они рядом. Но вне работы ты остаёшься один — дома, на улице, на прогулке — и начинаешь испытывать публичное одиночество: кругом люди, а ты один, поговорить не с кем. А я человек активный, экстраверт, мне нужно общение, коммуникация. В чужой стране ты по большому счёту всё время один, и это тяжело переживать.

Мосты

— Без всякой патетики, хоть это и звучит патетично, скажу: мне всегда было важно наладить мосты между странами. Моя доля, конечно, совсем мизерная, но я всё равно рада, что в выстраивании международных связей ни с кем не поссорила ни один университет, ни один народ, ни одного студента. Я старалась так продумать учебный процесс, чтобы всех это устраивало, чтобы студентам, которые приезжают сюда и так боятся Сибири по разным причинам, было здесь интересно и комфортно. Мне всегда хотелось помочь им разобраться в тонкостях русской души и характера, чтобы они рассказали потом об этом своим друзьям. Чтобы не боялись жизни в Красноярске, в Сибири, в России и полюбили её.

Текст _ Валентина ЕФАНОВА

7 лет на родословное древо

Многие думают: неплохо бы получить наследство. Квартиру, деньги, бизнес. А можно обзавестись другим богатством — огромной родословной. И совсем особая история, когда воссоздаёшь эту родословную собственноручно. Как сделал полковник кафедры радиотехнических войск воздушно-космических сил Военного учебного центра СФУ **Максим АНАКИН**. Однажды он решил, что хочет знать всё про свой род, и чтобы его трое детей это знали (и продолжили). Проработал над родословной 7 лет, написал 4 тома семейной истории, отыскал 430 семей, так или иначе состоящих с ним в родстве, а это значит — более тысячи человек родни. И поиск на этом не останавливается.

— Максим Фёдорович, а вы откуда родом?

— Большинство моей родни — отсюда, из Сибири. Хотя сам я родился в Туркмении. Потому что отец мой — военнослужащий.

Отец Фёдор Алексеевич Анакин дослужился до полковника, сейчас на пенсии. Он окончил Красноярское высшее командное училище радиоэлектроники ПВО, был распределён для прохождения дальнейшей службы в Туркменскую ССР. Там познакомился с моей мамой.

Мама Надежда — русская, просто её отец тогда работал на стекольном комбинате в городе Ашхабаде, где был ведущим мастером по выдуванию стекла. А сам дедушка Эвальд тоже из Сибири, из посёлка Памяти 13 борцов, 40 км от Красноярска. Там был крупный завод стекольный, и дед там начинал трудовую деятельность. Дед много городов объездил, передавая опыт стеклодува.

Так вот, в Туркмении папа познакомился с мамой. Он служил в городе Кизил-Арват, где родились мы с сестрой, двойняшки. Отец служил по всему СССР, крайнее место службы был город Владимир, папа там сейчас и живёт.

А я из Владимира после 11 класса в 1996 году уехал и поступил в Санкт-Петербургское высшее училище радиоэлектроники. Окончил в 2001-м, был распределён в Красноярск и здесь уже 21 год прохожу службу.

— То есть вас, как вашего отца, служба не помотала по стране.

— Да. Единственный раз я менял место службы, когда три года проработал в Абакане. В нашем Военном учебном центре на тот момент дополнительно формировалась военная кафедра, и я благодарен начальнику ВУЦ Евгению Николаевичу Гарину за то, что он доверил мне этот фронт работы. Меня назначили начальником военной кафедры в Абакане. Был организован учебный процесс, создана учебно-материальная база для подготовки солдат и сержантов запаса для мобилизационного резерва Российской Федерации. Именно в Абакане я принял решение начать собирать родословную.

— Что-то, наверное, послужило толчком?

— У папиной мамы, моей бабушки, было три сестры и один брат, но к тому времени осталась одна младшая сестра, и она как раз жила в Абакане. Я подумал, что ничего о них не знаю, и стал ходить к ней каждый вечер и записывать её воспоминания. Память у неё была великолепная. И когда Татьяна Никоновна входила в азарт, я только успевал записывать. В свободное время это перепечатывал. Так начал писать родословную — с бабушки, сейчас это вторая глава.

— «Мамин папа, папина мама». Как вы структурировали все эти родственные связи?

— Поначалу не понимал, в какой последовательности и как это выстроить. Но поскольку издавна на Руси было принято вести род по отцовской линии, я решил, что первая глава будет по папиной линии, по деду, от которого наша фамилия.

При этом родного деда мы не знаем, у отца был отчим с четырёх лет. И вот из уважения к тому, что мы носим его фамилию, я нашёл всех родственников по Анакиным, хотя это не родная кровь.

— А вам не важно найти родного деда?

— Важно. Но пока не удалось. История эта типичная. Бабушка в молодом возрасте приехала в Красноярск и познакомилась здесь с солдатом, который на Базаихе служил. Забеременела, а он закончил службу и, как часто бывает, сказал: я съезжу домой и вернусь. И не вернулся.

Та бабушка, что в Абакане живёт, назвала имя, кто бы это мог быть. И сам мой отец пытался найти родителя, несколько вариантов рассматривали, когда служил здесь этот человек. По одной версии — он с Украины, по другой — из Белоруссии. Но пока нет времени заниматься этой линией родословной; я привык работать системно, и мне надо закончить то, что я начал.

— Что на данный момент вы отыскали?

— Вся папина ветка родственников — из Курагинского района. Туда они пришли по столыпинской реформе из Вятской губернии. Я объездил в Курагино все деревни, эту единственную бабушку туда свозил, она там поплакала на родной земле, где родилась; дома нигде не сохранились.

По маминой линии все также ходоками пришли из Виленского уезда — это граница с Польшей, Вильнюс. Они заселились в деревне Вилинка Балахтинского района. Возможно, они были даже не чисто русские, потому что свободно владели польским языком, читали молебны в храме.

— Вы дошли до прапрадедов. А ещё глубже в истории трудно искать свои корни?

— В России три фактора, которые усложняют поиск родных. Первое — это гонение на церковь, когда сжигали храмы вместе с документами, метрическими книгами. Это потом книги стали в архивы передавать, но много информации уничтожили.

Второй фактор — война. Она многое разрушила, особенно в европейской части страны. И третий значимый фактор — раскулачивание. По своим родственникам знаю: люди сжигали в печах всё лишнее, фотографии в том числе, грузили в телеги самое необходимое, сколько хватало места, уезжали и начинали жить заново.

— Но даже из таких обрывков вы составили родословное древо.

— Родословное древо я нарисовал давно. В 2004 году в моей роте проходил службу один из рядовых, который до этого обучался в художественной академии. По моей просьбе он нарисовал по моим наброскам древо моего рода. Наклеив туда фотографии моих родственников, я понял, что будущие поколения по информации, отражённой на древе, не смогут понять, кто на нём расположен.

Оно висело у меня дома, в кабинете, и я сам начал забывать, кто на этом древе. Фамилии вижу, а кто они мне — не помню. Но прошло больше десяти лет, прежде чем я начал описывать своё древо. Причём в книге я решил не просто указать степень родства, а описать каждую семью. И рад, что мне к каждому человеку удалось найти фотографию; только одну прабабушку не нашёл, которая умерла молодой.

— Сколько родственников вы нашли?

— Я нашёл всех. Только по маминой линии 126 семей, а если всех брать, то около 430 семей, а в каждой ещё жёны, детки. И с каждой семьёй я поддерживаю связь. Составил таблицу, где на 20 страницах по месяцам записаны дни рождения всех родных. Когда подходит дата — звоню и поздравляю. Это уже в течение пяти лет такая традиция. И родные это оценили, все тепло относятся и к звонкам, и к встречам. И рады, что я объединил всех. Теперь ждут, когда я закончу родословную. Обещал всем разослать в электронном виде, но несколько экземпляров для стариков распечатаю, им так привычнее.

Мой прадед Иван Иосифович ШАХУРА

— А как происходило знакомство: очно, заочно?

— Моя идея — объехать каждую семью, увидеть, познакомиться, опросить. В Балахте и Курагино я объехал всех. В этом году во время отпуска был у родственников в Анапе и во Владимирской области. Если работать только в архивах, там не найдёшь фотографий, дополнительных сведений; максимум — кто когда родился, какое хозяйство имел. А когда знакомишься — листаешь семейные альбомы, слушаешь истории. И слава богу, что многих я застал, пока они живы.

В архивы обращаться тоже приходится, потому что многие не помнят дат рождения и смерти. Раньше не принято было рассказывать в семьях о предках, все скромно и бедно жили и вопросы родителям не задавали, это я не раз слышал. Много пришлось и кладбищ деревенских объехать, там даты жизни уточнял на крестах и памятниках, разыскивая могилы.

— Правильно я понимаю, что вы именно за личное знакомство с роднёй?

— Да! Всем рекомендую. И пока живы ваши немолодые родственники — обязательно обращайтесь к ним, записывайте. Придёт время — вы захотите это собрать, потому что это история каждой семьи. И лучше — пока живы старики, пока фотографии хранятся и память о тех, кто на этих фотографиях. Мне многое пришлось реставрировать.

— Удалось узнать что-то неожиданное? Может, были в роду дворяне или священники, кто-то стал знаменитым или богатым?

— Нет, все простые люди. Но есть история, которой я горжусь. Мой прадед по маминой линии — Шаху-

ра Иван Иосифович. Их ушло на войну пятеро братьев, вернулся один. Четверо погибли, в том числе Иван. Но он прошёл почти всю войну, а в 1943 году совершил подвиг. Он был связистом и во время обстрела, отбиваясь в бою, сумел восстановить связь, и фронту смогли передать команду. За это Ивана Шахуру представили к награде медалью «За боевые заслуги». Наградной лист я нашёл в интернете. Там три части. Сначала идёт биография, потом описываются обстоятельства подвига и заключение вышестоящих начальников. В третьей части мы должны видеть резолюцию, что награда вручена. И вот этой отметки в наградном листе не было.

Прадед погиб за два месяца до Победы, похоронен в Германии. Я не знал, успел он получить награду или нет. Написал в центральный архив Министерства обороны в город Подольск, и мне пришёл ответ: да, награждён, номер медали, удостоверение. Этот человек для нашей семьи — герой.

— Негероические семейные истории тоже бывают захватывающими и трогательными. Что можете рассказать?

— Папин дед и бабушка носили фамилию Заболотские. Они оба довольно рано умерли, причём оба трагически. После войны жили бедно. Спасал лес, откуда добывали всё — не только ягоду, шишку, грибы, но и луковицы растений выкапывали, и почки ели. И вот прадед пошёл в лес добывать пищу, и его придавило деревом. Три дня он не мог выбраться, его уже запорошило снегом. Искали всей деревней, нашли, вытащили, но он так и не смог оправиться и умер от воспаления лёгких.

А через несколько лет его жена с той самой Татьяной, которая мне всё рассказывала, шли к подруге в соседний дом. Тогда крыши покрывали тесиной. И вот был сильный ветер, с крыши сорвало тесину. Прабабушка нечаянно наступила на ржавый гвоздь, получила заражение крови и умерла. Детей разобрали по семьям.

А есть другая семейная история, со счастливым концом. Решил парень жениться на девушке, которую любил, а мать ему не разрешила, настояла на другой. Он послушал мать, женился, но через год-полтора сказал: не могу жить без любви. Разошёлся и всё-таки взял эту свою Надежду, мою троюродную бабушку. Она до сих пор жива, живёт в селе Тюльково Балахтинского района, я часто у неё бываю.

— А ваша собственная история описана в книге? Как вы с женой познакомились?

— Как раз истории знакомства не написал, хотя она удивительная. Я ехал с другом в Красноярск от его мамы из деревни Шила. Меня обогнал чёрный форд. Обогнал залихватски, притом что погода стояла хмурая, гололёд. Я решил, что парень за рулём, но меня смутил восклицательный знак «новичка». Подумал: неужели девушка? Обогнал этот форд и не давал развивать скорость, потому что скользко было, переживал за девушку. А километров через 20 она остановилась на заправке. Я подошёл, заговорил, и мы начали встречаться.

— Что дала вам эта работа по собиранию семьи, насколько изменила вашу жизнь?

— Я сорок лет жил и никого не знал. А когда начал находить родню — бывало, возвращался и по две-три ночи не мог спать на эмоциях. Это круто. Считаю, память о себе человек оставляет не в нажитом добре, а в том количестве людей, которые тебя знают и поминают добрым словом. Вот это память.

— Но ведь память может остаться и об учителе у учеников, и о друге, о коллеге.

— Кровная связь — это другое. А здесь ещё важно, что она не замкнута на близком круге, когда максимум с братом или сестрой общаешься. Я ведь тоже мог отследить только фамильную, отцовскую линию. Но когда бабушка из Абакана привезла меня к своей двоюродной сестре в Минусинск, а та говорит: «Почему ты об их семье написал, а о нашей нет?» — мне стало совестно. И я слово дал: опишу всех. Это заняло много времени, но я рад, что так получилось.

Это все мои двоюродные бабушки и дед.

Встреча 14 марта 2020 г. в посёлке Балахта

— Как вы считаете, что нужно сохранять для семейной истории: фотографии, трудовые книжки, грамоты — или всё?

— По-хорошему — все документы: свидетельство о рождении, копия паспорта, свидетельство о браке, о смерти. Многие не знают, когда кто умер, где похоронен. Трудовые книжки помогают установить, кто где работал, проследить жизненный путь. Удостоверения к наградам тоже дают дополнительную информацию о людях, а также гордость за них.

— А у вас какие семейные реликвии хранятся?

— Дедушка (стеклодув с детства) нам дарил разноцветные фигуры, вазы. И вот ни одна в семье не сохранилась, даже странно. Теперь пытаюсь найти хоть что-нибудь через Ашхабад.

***

Родословная Максима Аникина не просто выстроена по главам родственных линий. Она снабжена значками и выделениями. Зелёным отмечены даты рождения, серым — даты смерти, синим — место проживания в данный момент. Перед абзацами могут встретиться точки, галочки, треугольники, что означает разную глубину родства — бабушки, тёти, двоюродные и троюродные братья, племянники.

Каждой семье составлено своё семейное древо.

А нумерация страниц в каждой главе начинается с цифры один, чтобы при дополнении новой информации не перепечатывать все главы, а только ту, в которой появились изменения.

Текст _ Софья АНДРЕЕВА

Напоить осетра, спрятать рыбу в ящик

Возможен ли гастротуризм в Сибири? Почему сегодня популярны рестораны сибирской кухни и существует ли таковая на самом деле? Об этом мы поговорили с **Игорем ШЕИНЫМ**, известным в нашем городе ресторанным критиком, кандидатом биологических наук, председателем Красноярского винного клуба, автором книг о сибирском столовании, локальных и национальных кухнях Сибири.

Игорь Владимирович рассказал о некоторых продуктах и блюдах, свойственных Сибири, характерных для большинства народов, проживающих здесь. Лекции на эти темы он читает студентам Института гастрономии СФУ, вместе с ребятами реконструирует блюда. Также Игорь Шеин проводит гастрономические спектакли, посвящённые сибирскому столу.

— Первое, о чём важно сказать: сибирской кухни не существует, поскольку любая кухня глубоко национальна. У нас есть национальность «сибиряк»? Нет. Значит и кухни нет. Существуют кухни конкретных народов — тувинская, хакасская и так далее.

Поэтому с академической точки зрения говорить о сибирской кухне неправомерно. Мне как академическому работнику становится грустно, когда с понятиями, терминами обращаются вольно. Подобная практика часто заводит в тупик.

Простой пример — слово «меню». Вы приходите в ресторан, вам дают меню. Но на самом деле вы получаете реестр блюд. А меню — это жёстко прописанная система подачи блюд и сопровождающих напитков. В советское время всё переделывали, всё переименовывали. Так реестр блюд превратился в меню. Именно по этой причине сегодня к нам зашёл американский термин «сет». Спрашиваю у наших рестораторов: что такое сет? Они начинают давать определение понятия «меню». Получается, что их «сет» — это меню по классическому определению. А блюда рестораторы теперь называют «курсами». Что тоже не соответствует толкованию понятия.

— Игорь Владимирович, возможно ли сделать наш регион территорией гастротуризма?

— Для этого надо сначала дороги построить. И пока их нет — тема закрыта. Но потенциал для гастротуризма в Сибири огромный. Взять ту же Туву. Несколько лет досконально препарирую гастрономические традиции этой республики. Пожалуй, Тува — наиболее сохранившийся регион в Сибири в отношении своей кухни. Почему? Потому что они меньше всего пострадали в советский период от разрыва поколений. В то время детей помещали в интернаты, лишали семейной среды. На севере современный кето не знает, что такое кетская кухня, плохо знает свой родной язык. Это самое страшное, что сделала советская власть, — разъединила поколения, прервала информационный поток.

Много лет я занимаюсь тем, что реконструирую сибирский стол. Стол, а не кухня, может существовать. Именно на нём могут встречаться блюда разных сибирских кухонь. И разнообразие этого сибирского стола впечатляет.

Культуры разных народов уникальны в своей локальности, интересны, эффективны, оптимальны. Здесь можно подобрать множество эпитетов. Если всё это адаптировать, реконструировать и выставить на публичный ресторанный стол или на домашний, то будет впечатлительно для всех, и прежде всего — туристов. У нас в Сибири есть что реконструировать, что вытаскивать из глубины веков.

— Какие уникальные продукты народов Сибири можно использовать в современной гастрономии?

— Существует такой продукт «заболонь». Если говорить академическим языком, это прикамбиальная часть сосны обыкновенной. В определённый период времени местное население собирало эту часть дерева. Может быть, в детстве, весной вы обдирали кожицу у прутика тальника и обсасывали сочную сладковатую поверхность? В Иркутске этот продукт так и называли — сок. У нас в Красноярске — заболонь.

Если провести биохимический анализ этого «сока», то выяснится, что ни один фрукт, ни один овощ рядом не стоит по полезности: по белку, витаминам, жирам, сложным углеводам. Пшеница и картошка тоже «отдыхают». Этнографы говорят: раньше кору и древесину ели от голода. Но они не вникали в суть. Все коренные народы использовали заболонь, добавляли её в различные блюда, она спасала не только от цинги.

Представьте, сколько леса сегодня рубят! Этот ценный слой древесины можно снимать и продавать, в том числе, и на мировом рынке, намного дороже, чем саму древесину! Некоторые страны уже пытаются реанимировать использование этого продукта. Например, в Финляндии заболонь добавляют в детские йогурты. Она, как говорили раньше, «очень здорова», иммунизирует организм. Пожалуй, это самый оптимальный диетический продукт. Так что, куда ни копни, можно найти интересное и полезное для современности.

— Сейчас популярны рестораны сибирской кухни. Блюда, которые там подают, это стилизация?

— Историю сегодня пишут маркетологи, а не историки. Они много чего выдумывают. В интернете иногда такое прочитаешь, что волосы дыбом. Так случилось с иван-чаем, саган-дайля, сосновыми шишками. А что делают с кедровыми орехами! Настаивают на водке, а потом пьют. Это не бред сивой кобылы, это бред целого табуна.

То же самое и с рестораторами. «Сибирская кухня» сегодня представлена не только в Сибири. Это популярно, пользуется огромным спросом в Москве, в Санкт-Петербурге. Я много лет сотрудничаю с Францией. Каждый француз мечтает побывать в Сибири. Не в России, а именно здесь — у нас. Порыбачить, поесть дичатины. Когда я устраивал медвежий стол (мы готовили восемь блюд из медведя), французы прилетали сюда специально, чтобы поучаствовать в этом событии. Интерес к блюдам народов Сибири огромный. Поэтому это нужно использовать.

Рестораторам, конечно, хочется быть в тренде, хочется сделать аутентичный сибирский ресторан. Но они понимают, что гораздо проще сделать итальянский ресторан, готовить итальянские блюда, и бизнес будет процветать. Всё просто — макароны, пицца, имитированные сыры — что может быть проще. Логистика — залюбуешься! А с сибирским столом всё гораздо сложнее.

В первую очередь, каждый должен определиться, что вкладывает в понятие сибирскости. Выбрать базовые продукты. Хорошо тем, кто живёт рядом с Енисеем, здесь есть сиговая рыба. Это фантастический продукт для рестораторов. Енисейская рыба не заражена описторхозом. Поэтому делай что угодно — строганину, сагудай. Рыба Лены и Оби заражена, поэтому новосибирские рестораторы «сидят» на енисейской.

Не так давно я ездил делать гастрономический театр в Норильск. Думал, что уж там точно будет свежайшая нельма. Приезжаю в лучший ресторан, а мне говорят: нет, у нас только сёмга и форель садковые. Почему? Потому что всё должно проходить через систему «Меркурий», сертифицироваться. Это ещё одна причина, почему рестораторам тяжело. Они могут использовать только продукты, «одобренные» «Меркурием». Кто-то строго выполняет это требование, другие на свой страх и риск обходят. Но общий итог — законодательное гнобление публичного стола.

Сейчас в Европе, в той же Франции, популярен такой подход. Шеф-повар ресторана не знает, что будет готовить завтра. Это называется меню сегодняшнего дня. Очереди выстраиваются, чтобы попасть на такой ужин. Наступает утро, у повара нет меню в голове. Он идёт на базар, видит какой-то свежайший продукт, который ему нравится, и у него рождается меню.

Он творит меню, глядя на продукты, и не думает о «Меркурии». Это мечта любого ресторатора и гастронома. Вот сюда нужно двигаться.

Так что пока слова «мы будем развивать гастротуризм» — это только слова, особенно на сибирской площадке. Где для этого законы и условия? Поэтому самое распространённое блюдо — строганина. Если оно есть, значит это ресторан сибирской кухни.

— И пельмени?

— С пельменями особая история. До революции ни в одном ресторане не было пельменей. Это интимное, домашнее блюдо. Или дорожное, если речь идёт о жареных пельменях.

К слову, и сагудай, который подают сегодня в ресторанах, не совсем сагудай. Сагудать — нарезать кусочками и есть сырым. Убили оленя, перевернули, чтобы кровь не вытекла из брюшины, разрезали, кишки вытащили и кушают. Они сагудают, т.е. режут сырое мясо кусочками и кушают. То же самое с рыбой. Выловили, шкуру сняли, кишки вынули и кушают. Или нарезали и лучку добавили.

Кстати, сибиряки — лукоеды, они везде добавляли лук. Хотя в Европе нас, русских, считают «укропщиками». Почти нигде так не используется укроп, как в русской кухне.

Возвращаясь к теме нашего разговора. Да, сибирский стол надо реконструировать. Но пока я только рассказываю рестораторам об этой деревянной муке из заболони. Когда они готовят из неё хлеб, удивляются результату. Но где им взять такую муку? Хлеб из сосны — это очень вкусно, и белка в нём больше, чем в пшенице.

— Правда ли, что у народов Сибири существует сыр, который может храниться сто лет?

— Это арса. Ещё его называют ааржи. У этого сыра много названий. Сегодня его можно купить в Туве; в Хакасии — уже маловероятно. Ехать в Туву далеко, поэтому этот уникальный продукт тоже широко не используется.

Ааржи — сыр скотоводческих народов Сибири. Хакасов, бурят, тувинцев — всех тех, кто держал скот, и у кого было много молока. Настолько, что выпить его не могли, оставалось перерабатывать и запасать. Кстати, знаменитый сыр курут выделывается из ааржи, и он тоже по большому счёту может храниться сто лет. У него мощная белковая составляющая. Курут очень сухой, обычно его закладывают за щёку и рассасывают.

Как получают ааржи? Сначала из молока — конского, коровьего, оленьего, сарлыкового, верблюжьего — готовят специфический кисломолочный напиток. Затем хозяйка гонит из него самогон. Он тоже называется архи или ааржи. После перегона остаётся молочный порошок — божа. В сухом виде это и называется сыр ааржи. Из божи делают курут. Кстати, этот сыр находят, когда вскрывают могильники. Курут оставляли умершим на дорогу.

Ошибочно считать, что дистилляцию делали для получения алкоголя. Да, его выпивали. Но этот самогон был побочным продуктом. А целевым — сыр. Только при таком варианте приготовления ааржи приобретает свой специфический вкус, становится острым, хорошо хранится. Ааржи можно использовать в качестве приправы, его обязательно добавляли в супы, каши. Когда в советское время самогоноварение было запрещено, местное население готовило этот сыр так: долго кипятили в кастрюле кисломолочный напиток. Но вкус получался иным.

Из ааржи также делали чокпек. Это такая вкусная пластическая масса, приготовленная на топлёном сливочном масле или вытопке от него. В чокпек добавляли разные ягоды, семена. Его, как и ааржи, запасали на будущее — заполняя им естественные ёмкости: желудок, кишки и подвешивали в юрте или хранили под кроватью. Он мог там сохраняться годами. Чокпек брали с собой в дорогу. Это фантастически вкусный и сытный десерт.

Когда мы устраивали парадный тувинский стол в одном из крупнейших ресторанов Кызыла, адаптировали эти рецепты к современности. Тувинцы были поражены: какие крутые у нас блюда! Но почему вы сами не работаете в этом направлении?

— Правда, что с ааржи связаны какие-то свадебные традиции?

— Ааржи — базовый элемент белой пищи. А белая пища — священная, любое прикосновение к ней подразумевает сакральность. Свадьба — одно из ярких, важнейших событий жизни человека. Ааржи подавали и на свадьбе, и на похоронах, и при рождении ребёнка определённым образом использовали.

Сакральны все элементы белой пищи. Например, в Хакасии, Бурятии хозяйка утром сдоила молоко или сварила чай с молоком и первое, что после этого делает, специальной ложечкой раздаривает это девяти божествам, которые покровительствуют её семье со всех сторон. Молоко или закваску нельзя передавать кому-либо целиком. Даже если ты несёшь соседям крынку с молочным продуктом в качестве гостинца, надо обязательно сначала отлить немного себе.

Так что уникальных продуктов, интересных рецептов, которые просто следовало бы восстановить, много. И реконструировать их нужно не только ради гастротуризма.

— Поделитесь, пожалуйста, рецептом какого-нибудь сибирского блюда.

— Я часто выступаю с гастрономическими спектаклями. Вижу, что гости любят яркие вещи, неординарные. Существует такое купеческое блюдо, до революции его подавали по всей Сибири — до Томска и даже до Омска, иногда называли его «блюдом чайного пути». Хотя вообще его классическое название — «Пьяный осётр на шампанском с шафраном».

— Пьяный — маринованный в спиртном?

— Пьяный, потому что напоенный водкой. Осетра всегда готовили живым. Убиенный, полежавший или замороженный он невкусный, его жир очень быстро гидролизуется. Поэтому во всех заведениях публичного стола были аквариумы, где плавали осетры. Их выбирали живыми, как раков, лангустов. Осётр может прожить две-три недели, находясь в мокрой тряпке в пьяном виде. «Поили» осетра так: тряпочку смачивали водкой и за жабры. Время от времени эту процедуру повторяли. Так и перевозили, пьяными, зато живыми.

Вернёмся к нашему блюду. Когда гости пробуют этот суп, испытывают невероятные эмоции. Не понимают, что это такое. Готовим. На дно кастрюли кладём нашинкованные жеребейками белые коренья: петрушку, пастернак, сельдерей. На них кладем порционные куски осетрины. Крошим солёные бочковые огурцы, без уксуса. Добавляем каперсы, нарезанный дольками тонкокорый лимон, хорошенько сдабриваем сливками и заливаем шампанским. Доводим до кипения, через несколько минут золотим шафраном. Всё.

— Откуда у сибирских купцов шампанское?

— Конечно, купцы были кутёжниками, так, «из амбиций», многое себе могли позволить. Но шампанское, именно из Шампани, было обыкновенным продуктом даже самого захудалого городского магазина. Что вы хотите, до революции золотодобывающая промышленность процветала. Только Енисейская губерния вырывала самородного золота 40-50 процентов от мировой добычи. Купцы жили на широкую ногу. Представьте, в 1897 году в Красноярске на 27 тысяч жителей приходилось 12 гастрономических бутиков. И, к примеру, в каждом бутике от четырёх до двенадцати видов окороков, ассортимент французских и швейцарских сыров, минимум два вида омаров в кубиках льда, устрицы...

Конечно, суп из пьяного осетра сложно приготовить в домашних условиях. Но если постараться, то можно удивить друзей. В домашних условиях проще приготовить «Рыбу в ящике». Берётся некая ёмкость с решёткой, под неё закладывается несколько прутиков смородины и черёмухи (девять к одному). На решётку рыба. Плотно прикрываете и на плиту. В результате вы получаете рыбу горячего копчения. Сегодня, кстати, продают специальные ящики, которые можно использовать в квартирах. Никакого дыма и гари не будет. А получается очень вкусно. Где-то это блюдо называют «Корабликом», где-то — «Рыбой на веточках». Так что не бойтесь пробовать новое, удивляйте друзей.

Удивляем гостей

Игорь Шеин поделился ещё несколькими рецептами народов Сибири. Готовить эти блюда несложно, а эффектный результат гарантирован.

Рыбный нерыбный пирог

В этом блюде соединились два сибирских продукта — лук и рыба. Но рыба обязательно должна быть сиговая: нельма, муксун, чир, омуль. Это закрытый пирог, для него можно использовать дрожжевое слоёное тесто. Даже из магазина.

Сиговую рыбку нужно очистить, распотрошить. Мясо выщипать, освободить от косточек. Взять такое же количество нарезанного лука, немного придавить его, чтобы он дал сок. И добавить к рыбе, перемешать. Накрыть мокрой тряпочкой и поставить в тёплое место часа на четыре. Произойдёт ферментация. Затем положите начинку на сочень, закройте его вторым сочнем и запеките.

Те, кто пробуют пирог, не зная, из чего он приготовлен, обычно говорят: не могу понять, что это — курица или нежирная свинина?

Вскрышный или хлебальный пирог

Такой пирог готовили из осетра. Кстати, эту рыбу любили меньше, чем стерлядь. А стерлядь называли «мягкая». Так и говорили: осётр и мягкая.

Этот пирог в разных местах называли по-разному: вскрышный или хлебальный. Из тугого ржаного теста вылепляли глубокую миску. Из этого же теста делали крышку. Внутрь помещали много лука, куски рыбы, немного воды. И запекали. Сейчас это можно делать в обычной духовке.

«Крышкой» прикусываешь, ложкой ешь рыбу и бульон, который получился. Суть в том, что жир эффективно впитывается в хлеб. Благодаря такому способу приготовления осетровый жир меньше действует на поджелудочную железу. Тарелку не ели, отдавали собакам. Пирог выхлебал, крышечкой закусил.

Согажа

Рассматривать это блюдо как отдельное сложно, хотя в принципе можно приготовить и в домашних условиях.

Когда в Сибири разделывают барана, то всё расписано: что когда готовить, что за чем есть. Это гениальный процесс. Забойщик занимается бараном, и уже через 15 минут подают первое блюдо, ещё через десять минут после него — следующее. И так до конца — пока барана не съедают. Если народу немного, из остатков мяса делают гостинцы. Система гостинцев гениальна. Она позволяет постоянно, даже в жару, есть свежее мясо. Сначала один угощает, через день — другой. Всё правильно продумано с точки зрения физиологии питания.

Итак, первое блюдо — согажа. Это кусок бараньей печени, который чуть-чуть запекается на огне или на поверхности печки. Затем его обворачивают висцеральным жиром, он есть у всех животных. Это такая сеточка, когда её растягиваешь, как будто ажурное кружево. Можно немного посолить, добавить лучка. Обернуть в эту сеточку и запекать, пока сеточка не станет прозрачной. Тогда печень готова.

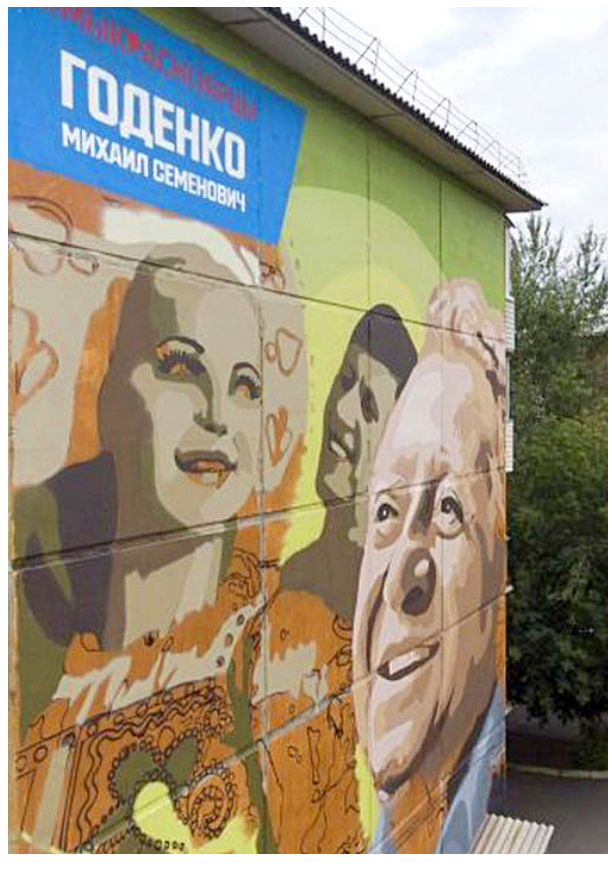
Сенька

Это зимнее блюдо. В этот период печень налима становится особенно вкусной. Налима аккуратно вскрываете, достаёте желудок. Он имеет форму варежки, по объёму может стать достаточно большим. Наверное, знаете про странную характеристику желудка — он способен вместить собственное тело. Промываете желудок и забиваете его налимьей печенью — сенькой. Это, кстати, правильное название. Сегодня налимью печень называют максой, что не совсем верно. По-русски макса — это рыбные внутренности. При желании можно добавить лук, перец. Завязываем «варежку» и отвариваем. Получается своеобразная колбаса, которая может храниться в холодильнике несколько недель. По-сибирски эта «колбаса» называется пауляй. Это блюдо легко сделать в домашних условиях. Так что удивляйте гостей.

Знают!

#мыкрасноярцы — под таким хештегом в Красноярске продолжают появляться муралы, посвящённые нашим великим землякам. Эти огромные «картины-лица» на стенах домов в разных районах города (Астафьев, Хворостовский, Ярыгин, Решетнёв, Киренский, Годенко, Крутовский и др.) — не только украшение. Надеемся, маленькие красноярцы будут спрашивать своих родителей «а кто это», а родители готовы ответить на детский вопрос.

Сегодня мы решили поинтересоваться у школьников 5-6 классов, кого из знаменитых горожан они знают и, что тоже важно, кто им о них рассказал. Скажем сразу — Василий Суриков лидирует в нашем опросе с огромным отрывом (из 65 ребят его назвали 31). За ним следуют Хворостовский, Астафьев и Ярыгин. А ещё дети неплохо знают современных спортсменов.



О **Сурикове** я узнал, потому что живу рядом с музеем им. Сурикова и улицей Сурикова. А про то, что он был живописцем, мне рассказали родители. Я ни разу не ходил в этот музей, хотя, возможно, был маленьким и просто не помню. Планирую сходить.

Лев Шумилов

Дмитрий Хворостовский — известный оперный певец. Он родился, вырос, учился и начинал петь в Красноярске. После того как он выиграл международный конкурс, о нём узнал весь мир. Он рано умер от болезни, но свой последний концерт пел в Красноярске. Мои родители были на этом концерте, а сестра снимала про Хворостовского фильм.

Даша Дисяк

Юлия Зыкова — заслуженный мастер спорта России по пулевой стрельбе. Известность ей принесла серебряная медаль на Олимпийских играх в Токио в 2020 году. Во время тренировок я часто вижу Юлию Андреевну в тире. Мой тренер всегда приводит её в пример.

Злата Щеглова

Михаил Годенко был хореографом. Его ансамбль «Танцы Сибири» известен во всем мире. Об этом я узнала от своего преподавателя В.И. Щеголева, который танцевал в этом ансамбле.

Алиса Савенкова

Борец **Иван Ярыгин** побеждал в схватках за 8 минут. Это был мировой рекорд. В честь Ярыгина назван Дворец спорта в Красноярске. Я пошёл на борьбу и узнал о нём.

Малик Фёдоров

Я увидел портрет **Ярыгина** на стене дома, а папа подробно рассказал мне про него. Ярыгин — чемпион по борьбе, он победил со сломанной ключицей здорового взрослого человека.

Даниил Набиев

Сноубордист **Дмитрий Логинов** входит в состав сборной России. Он приезжал к нам на соревнования и расписался на моём шлеме.

Варя Гашкова

Моя бабушка на своей малой родине в деревне Сизай училась в одном классе с **Бувайсаром Сайтиевым** и рассказала мне о нём. Он многократный победитель соревнований по вольной борьбе, был учеником Дмитрия Миндиашвили. А в родной деревне он оставил о себе память, а именно — церковь.

Артём Харченко

Виктор Астафьев — известный писатель, получил Государственную премию СССР за свои повести, такие как «Кража», «Последний поклон». А когда жил в Вологде, также пробовал себя в драматургии. Про Астафьева я узнала на уроках литературы.

Алиса Полковникова

Аркадий Цареградцев — российский автогонщик, чемпион RDS — Russian Drift Series, Российской Дрифт Серии. У него было ОЧЕНЬ много машин. А самый его знаменитый чемпионат — где его машина загорелась. Я знаю про Цареградцева, потому что люблю RDS.

Мирон Распопин

На стенде возле спортзала я прочёл про **Дмитрия Миндиашвили**. Это тренер, он основал много залов для дзюдоистов, подготовил много великих спортсменов, вкладывал свою жизнь в спорт.

Тимофей Михаленя

Когда я ходила в парк, там была выставка **Андрея Поздеева**. В честь него ещё создали школу искусств «Поздеевка», куда ходила моя сестра. От неё я и узнала об этом художнике.

Милена Лебедева

Никита Раздорских — футболист команды «Енисей», очень хороший игрок. Он знаком с моим тренером и приходил к нам на тренировку.

Макар Соболев

Любовь Никитина много стояла на призовых местах в чемпионатах по фристайлу. Она принесла Красноярску много наград. Нам про неё рассказывал тренер.

Степан Грибов

Хоккеист **Дмитрий Цыганов** играет в команде «Сокол». Я сам лично видел, как хорошо он играет. И всегда, когда он выходит играть, он даёт мне кулачок. Мне кажется, он меня знает лично! Я узнал про него от папы — мы всегда с ним ходим на матчи.

Миша Рабыченко

Андрей Дубенский — важный человек для Красноярска. Он основал наш город. И в честь него установлен памятник — на месте, куда Дубенский пришёл, посмотрел на окрестности и сказал: «Здесь будет город Красный Яр». Если бы не Дубенский, возможно, наш город был бы другим. Он наша гордость! Частично я узнала об этом от родителей, частично — в школе.

Кристина Корякова

Андрей Матеров был чемпионом по карате. Он погиб из-за пожара, спасая свою маму из огня. Он был очень добрый, и я хочу быть похожей на него. Я тоже занимаюсь карате и была на соревнованиях Кубка России памяти Андрея Матерова.

Руслана Коваленко

Лев Викторович Ткачёв живёт в Красноярске. Он глава Общественной палаты и замначальника красноярской железной дороги — филиала РЖД. Он сделал многое для нашего города! Я это знаю, потому что он — мой папа.

Варя Ткачёва

Благодарим за помощь учителей гимназии № 2 Е.Л. Бродецкую, Ж.В. Попкову, В.А. Копылову, О.А. Никифорову